

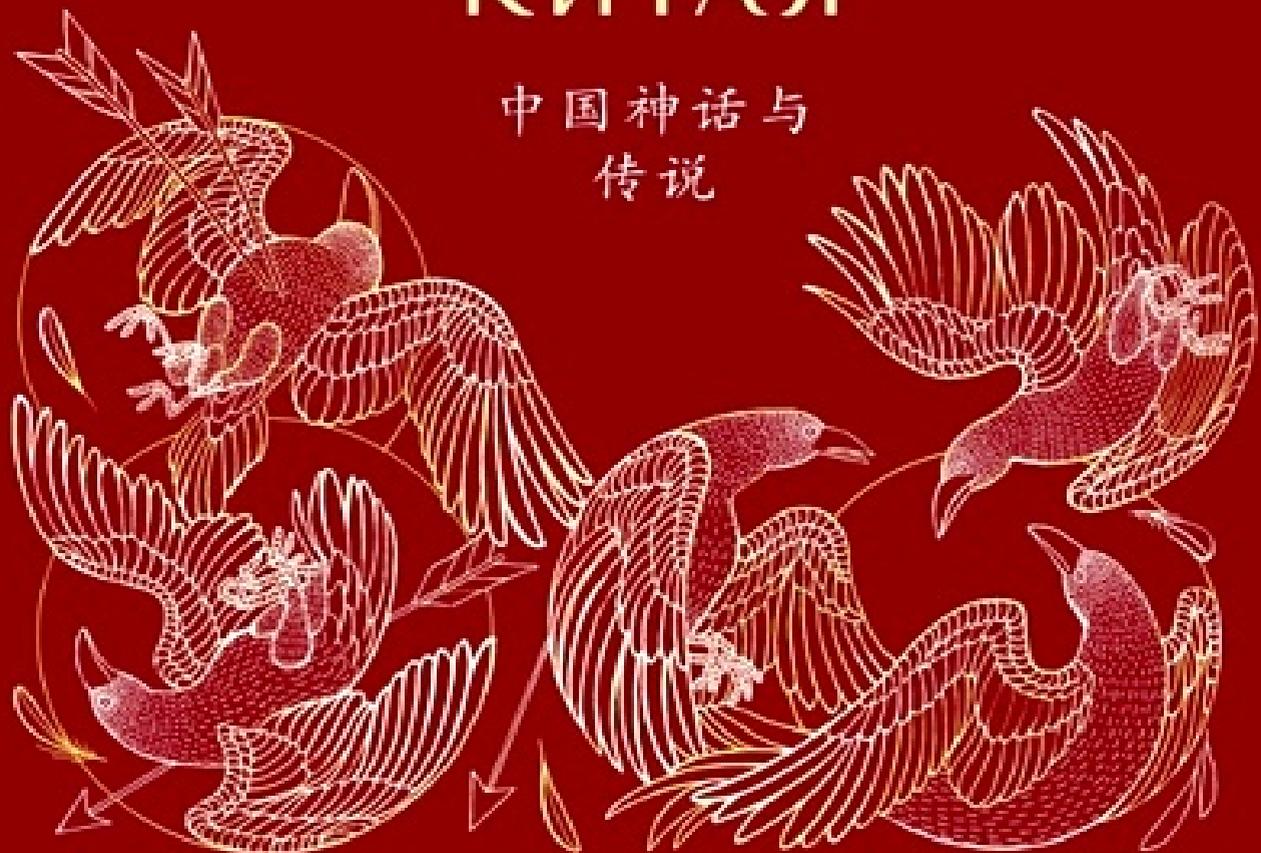

马镇

Ма Чжэнь

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ КИТАЯ

中国神话与
传说

УДК 219.13:219.21(510)

ББК 82.3(0)(5Кит)

М12

Оформление переплета Екатерины Румянцевой

Ма Чжэнь

М12 Мифы и легенды Китая / Пер. с кит. Поверинова Н. О.

ISBN 978-5-907277-24-3

С чего начать знакомство с культурой Китая? Лучше всего — с истоков этой культуры, с древних легенд и сказаний. Ма Чжэнь собрал в своей книге самые известные китайские предания — о сотворении мира, о богах и о героях. Каждый представленный автором миф сопровождается множеством различных иллюстраций, а также кратким анализом, главная цель которого — показать сходства и различия восточной и западной мифологий.

Для широкого круга читателей.

УДК 219.13:219.21(510)

ББК 82.3(0)(5Кит)

ISBN 978-5-907277-24-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читая китайские мифы, невольно изумляешься чудесам нашего мира. Предания о сотворении Вселенной, происхождении человека, войнах богов и приключениях героев поражают наше воображение

Т-образная книга на шелке (эпоха Хань)

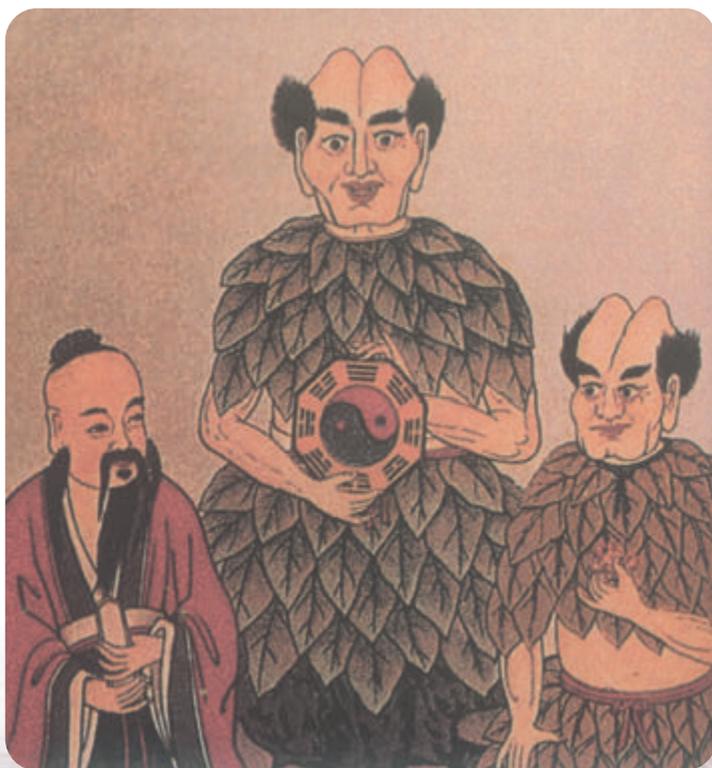
и пробуждают затаенные в нашем сердце воспоминания. Несомненно, когда вы прочитаете о горе Куньлунь, на которой жил величайший мифический император Хуан-ди, вам сразу придет в голову греческий Олимп и его владыка Зевс. Прочитав о другом великом первопродке, Фуси, и его сестре и жене богине Ньюве, создательнице человечества, вы заметите их поразительное сходство с Зевсом и Герой. Восток и Запад разделены множеством рек и тысячей гор, однако их мифы и легенды удивительно похожи!

Каменный барельеф богини Сиванму (эпоха Хань)

Давайте же прикоснемся к этим жемчужинам человеческой мысли.

ИСТОРИИ
О СОТВОРЕНИИ МИРА

ПАНЬГУ СОЗДАЕТ НЕБО И ЗЕМЛЮ

В давние времена, когда людей не было и в помине, Вселенная была похожа на гигантское яйцо: твердая скорлупа, белок и в нем сердцеви-на-желток. Не было ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни рек, и потому в мире не было ни тепла, ни холода, кругом царили лишь тьма и хаос.

Неизвестно, сколько времени прошло, пока в яйце не начала заро-ждаться жизнь — среди хаоса начал расти Паньгу, первый человек. Рос он медленно, но ему было некуда спешить — в конце концов, он был единственным живым существом в этом мире-яйце.

Прошло восемнадцать тысяч лет, и Паньгу наконец появился на свет. Он словно пробудился от глубокого сна, зевнул и открыл глаза. Перед его взором не было ни луча света, и, к его огорчению, он ничего не увидел. Паньгу сладко потянулся и вдруг увяз в окружавшей его гу-стой субстанции. Он начал задыхаться, грудь невыносимо сдавило.

«Почему так тяжело? — В нем начала закипать ярость. — До чего отвратителен этот мир. Дайте мне пошевелиться!»

Паньгу негодовал. Первым делом он желал высвободиться из оков хаоса и встать. Он напряг мышцы рук и ног и с ревом начал биться, яйцо сотрясалось с каждым его движением. Легкое и светлое содержи-мое яйца поднялось ввысь, превратившись в прозрачный воздух, а мут-ное и тяжелое, пролившись вниз, стало твердой землей.

Небо и земля отделились друг от друга, мир прояснился, и Паньгу оказался на свободе. Он был рад, но даже теперь, когда он открыл глаза, тьма и хаос преследовали его разум. Он не смел пошевелиться, опасаясь, что небо и земля снова перемешаются и превратятся во мрак, — и не без причины, ведь расстояние между небом и землей равнялось лишь его росту.

«Нельзя допустить, чтобы небо и земля слились, — рассудил Пань-гу. — Окружавшая меня тьма была невыносима».

◀ *Первопредки людей*

Паньгу продолжил выпрямляться, его голова уткнулась в небо, ноги ступили на землю, и так он подпирал собой новоявленный мир. До чего же величественное зрелище: могучий Паньгу вот-вот навеки изменит Вселенную! Вот он, пошатываясь, распрямился, удерживая тяжелый небосвод. Раздался оглушительный грохот, покатилося эхо, и Паньгу приподнял небо, а земля под его ногами уплотнилась. Так держал он небо и землю и каждый день становился выше. Вместе с ним поднималось и небо, а земля становилась тверже. Он трудился один, не давая себе ни малейшей побряжки. «Выше! Еще выше!» Земля под ногами понемногу отдалялась от небес, но ему казалось, что этого недостаточно, и он не отпускал небосвод.

Изображение Паньгу

Спустя еще восемнадцать тысяч лет небо и землю разделяли уже девяносто тысяч ли¹, а Паньгу превратился в настоящего гиганта. Теперь высокий небесный свод и земная твердь уже не могли соединиться, и Вселенная не обратилась бы в первозданный хаос. Работа Паньгу была завершена.

¹ Ли — мера длины, равная примерно 0,5 км. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

Многое еще хотел исправить Паньгу в этом новом мире, многое хотел совершить — но его охватила невыносимая усталость, и он, убедившись в незыблемости Вселенной, упал замертво.

Храм Паньгу

Прародитель Паньгу знал о слабостях будущих людей и в последнюю минуту своей жизни передал человечеству свое величайшее наследие: его дыхание стало гонимыми ветром облаками, предсмертный рев — раскатами грома, левый глаз — солнцем, а правый — луной. Из рук, ног и туловища образовались четыре стороны света и горные вершины, из крови — реки, из сосудов — дороги, из мышц — плодородная почва, из волос с головы и из бороды — звезды, из зубов и костей — металлы

и камни. Волосы с его тела стали цветами, травами и деревьями, костный мозг — яшмой и жемчугом, пот — благодатным дождем и живительной росой, а паразиты на его туловище превратились в птиц, рыб и зверей.

Небо получилось круглым, а земля квадратной, и небо куполом накрыло землю, словно юрта; помимо четырех сторон света на земле возник и безбрежный океан.

Сколько же жизненной силы в этом новом мире!

Теплое солнце озаряет землю, густые леса покрывают горы, прекрасные цветы и травы устилают равнины; поют горные потоки, мчатся реки, ревут моря; белые облака снуют по голубому небосводу; стада животных гуляют по холмам и равнинам, пестрые бабочки порхают над цветами, птички щебечут в рощах, ястребы парят высоко в небе, рыбы плещутся у озерных берегов. Взошла луна, и ночь прогнала дневной гомон. Волшебный лунный свет ласкает обширные земли, бездонное ночное небо сверкает загадочными звездами. Под луной перекликаются тысячи насекомых, оживляя ночную тишь. Четыре времени года сменяют друг друга: весной природа пробуждается, летом льют обильные дожди, осенью созревает урожай, а зимой земля замерзает.

Велик Паньгу, создавший все это!

Китай многонационален, однако у всех народов существует миф о Паньгу, родоначальнике китайской нации.

В древнегреческой мифологии бога, сотворившего мир, звали Хаос. Согласно преданию, изначально в мире царил тьма — только находилась она не в яйце, а в огромном рту Хаоса. Очевидно, он, как и Паньгу, был гигантом. Еще интереснее то, что во множестве мифов разных народов встречаются гигантский шар или яйцо. Видимо, древние люди в поисках разгадки тайны сотворения мира вдохновились зарождением жизни в яйце и представили аналогичную модель создания Вселенной. Современные люди считают это мифом, но наши предки чтили такое священное открытие.

НЮЙВА СОЗДАЕТ ЧЕЛОВЕКА

«Какой удивительный мир!» — Нюйва, младшая сестра Небесного владыки Фуси, ступила на землю и была ошеломлена открывшимся ее взору зрелищем. Она подумала о своем тихом жилище в небесной выси — холодный и отчужденный мир богов совсем не похож на этот, вольный и пылкий.

Статуя Нюйвы

Она взмыла над широкими равнинами, и ее ледяное сердце растаяло от овладевших им чувств. Нюйва слушала пение лесных птиц и роняла слезы радости; смотрела на резвящегося рядом олененка и, нежно подняв на руки, поцеловала его; разглядывала спящих в воде рыб и — прыгнула вслед за ними.

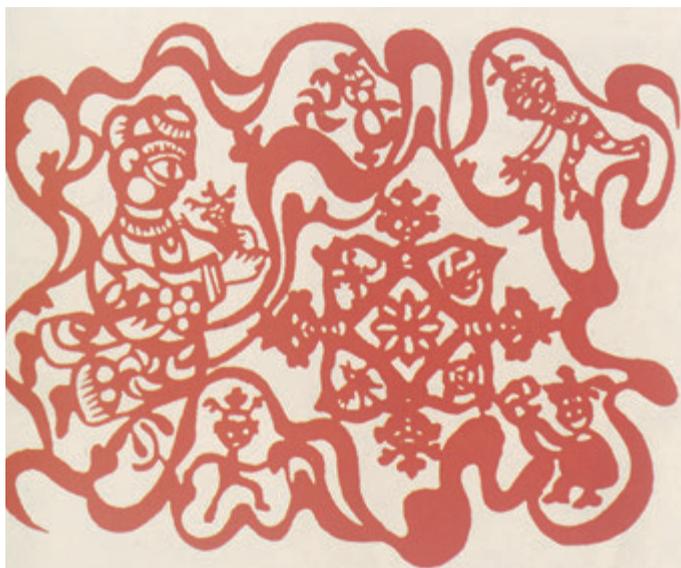
Когда любовь достигает наивысшей степени, даже боги не могут ей сопротивляться. Нюйва так страстно полюбила новый мир, что однажды захотела выразить свои чувства.

«Певчие птицы, — крикнула она в небо, — скажите мне, отчего ваши голоса так манят?» Птицы шумно пролетели над ее головой, не ответив.

«Олени, что скачут по зеленым лугам, — с жаром прокричала она, — скажите, отчего вы так статны?» Олени пробежали мимо.

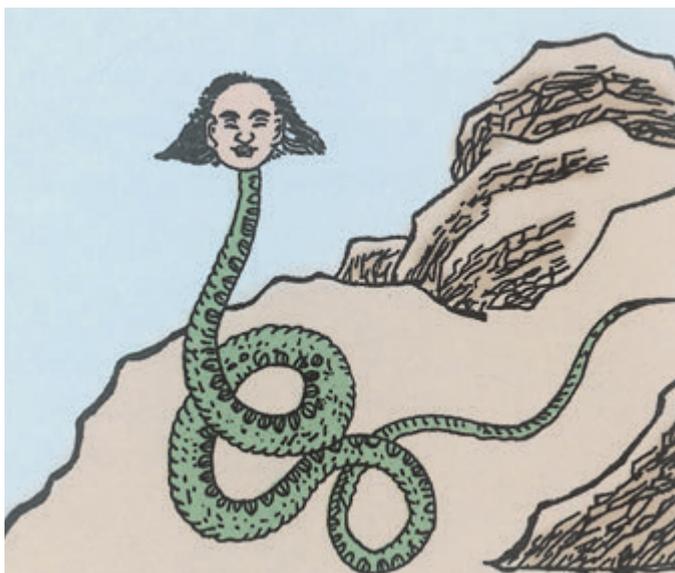
«Резвые рыбки, — прокричала она у озера, — скажите, отчего вы так изящно плаваете?» Рыбы пересекли ее отражение в воде, не издав ни звука.

Растерявшись, Нюйва прокричала горам, морям и лесам: «Отчего вы молчите?» Ей отозвалось только эхо. Тогда Нюйва горько заплакала от одиночества.

Нюйва создает человека. Вырезка из бумаги

«Великий Паньгу, отчего твои создания терзают меня молчанием? — вопрошала она небо. — Разве не ты их породил?» Однако тело Паньгу уже превратилось во все сущее на земле, и он не мог ей ответить, как и не мог избавить Нюйву от одиночества.

Нюйва. Художник Цзян Ин (эпоха Мин)

Бродя в одиночестве, добралась Нюйва до озера, на поверхности которого появилось ее отражение. Она едва не вскрикнула: «В мире недостает второй меня!» Нет ничего более волнительного, чем ответ на давно мучивший вопрос. Богиня тут же опустила на колени, взяла горсть земли и смочила ее водой. В руках у нее была глина, Нюйва начала ее мять, глядя на свое отражение в воде. Вскоре глина обрела облик — позднее люди будут называть такие поделки куклами. Нюйва осторожно поставила куклу, и произошло чудо — едва коснувшись земли, та ожила, резво вскочила, подобно молодому оленю, и что-то пролепетала.

Услышав, как это маленькое создание назвало ее мамой, Нюйва была без ума от радости: наконец-то в мире появился кто-то, с кем можно поговорить! Богиня назвала куклу человеком — и так стала матерью людей, а те — ее детьми.

Нюйве недостаточно было одного ребенка, и она снова принялась мять глину. В ее руках появился еще один человек. Посмотрев на свое прелестное дитя, Нюйва уже не желала останавливаться. Она непрерывно месила глину и придавала ей человеческий облик, и так один за другим из рук Нюйвы на берегу озера появлялись люди.

Нюйва с людьми. Художник Ван Фу (эпоха Цин)

По образу и подобию богов Нюйва поделила людей на мужчин и женщин, однако те еще не понимали, почему и зачем они отличаются друг от друга. Нюйва не объяснила им, ведь она была верховной богиней, за которой никто не отваживался ухаживать, и потому Нюйва и подумать не могла о том, что ее детям нужно сочетаться браком.

Хотя новорожденные люди не знали любви, они все равно были полны радости. Нагие и беззаботные, они веселились рядом с Нюйвой, их детский смех прогнал тоску, и богиня чувствовала неведомое ей до этого счастье.

Нарезвившись, люди устали и разошлись группами по разным сторонам света. Сердце Нюйвы не выдерживало разлуки с детьми, и она решила заселить людьми всю землю, чтобы в каждом уголке, куда

Пещера Нюйвы

бы богиня ни забрела, ее ждали дети. Нюйве нужно было лишь непрерывно создавать людей, однако она ужасно устала и уже не могла месить глину.

Нюйва пошла куда глаза глядят. С горного обрыва свисал пышный терновник, ветви медленно покачивались на ветру, словно длинноусый дракон играючи касался плывущих облаков. Вдруг богиню осенило, она взлетела на утес, ухватилась за лозу и вернулась к озеру. Лоза летела за ней, унося за собой закат. Нюйва ступила на берег озера и, не дожидаясь, пока лоза упадет, бросила ее в воду. Затем она начала осторожно размахивать лозой, взбалтывая воду, и в озере тут же поднялся ил: прозрачная вода превратилась в грязь. Нюйва бросила пропитанную грязью лозу в воздух, и в мгновение ока меж клубящихся облаков занялась заря. Лоза стремительно взлетела и пустилась в пляс, а грязь с нее подобно дождю опала на землю.

До чего изумительное зрелище: с розовых облаков на землю падали бесчисленные золотистые капли дождя, которые тут же превращались в людей. Наконец они заполонили землю, и Нюйва даже на краю света могла разделить с ними счастье и горе.

Но нет радости без печали, и пока Нюйва предавалась счастьем со своими детьми, случилось непредвиденное. На ее глазах дети постепенно старели, слабели и умирали. Тогда богиня решила было

Скульптурное изображение Нюйвы

без остановки создавать новых людей, но вдруг подумала и о собственной смерти. «Что, если я умру, как и Паньгу? Люди последуют за мной? Тогда мир станет таким пустым...»

На лугу мчались друг за другом олень и олененок, в лесу птицы кормили птенцов, в пруду стайка мальков резвилась среди водорослей. Нюйва наблюдала за миром, где поколения живых существ сменяют друг друга, и наконец поняла: «Разве люди не могут так же сами себя воссоздавать?» Она рассмеялась над своей глупостью. «Я создала мужчин и женщин, так почему не сказала им быть вместе?» Как непредусмотрительно было с ее стороны до сих пор не подумать о размножении людей!

Нюйва снова пустилась в странствие по земле и в каждом ее уголке проповедовала союзы между мужчинами и женщинами, призывая людей плодиться и растить новые поколения. Союзы эти стали называться браком, а мужчина и женщина были в нем супругами. Так люди и начали размножаться.

Нюйва стала не только матерью людей, но и покровительницей брака.

В древнегреческой мифологии люди тоже были созданы из глины по образу и подобию богов, только эту работу проделали вместе Прометей и богиня мудрости Афина, однако именно последняя

вдохнула в людей жизнь. Вода, земля, глина, богиня в описании происхождения человечества — западная и восточная мифологии снова столкнулись.

Вода и земля вскормили человечество, женщины родили детей, и это натолкнуло древних людей на мысль о том, что они произошли из глины, а создала их из нее богиня. Мифы — попытка людей ответить на вечные вопросы, и суждения эти весьма любопытны.

Если древние мифы служат отражением реальной истории, то предание о Нюйве, создавшей людей, может содержать намек на матриархальное общество.

ФУСИ И НЮЙВА

Первые люди с начала сотворения мира вели чрезвычайно благополучную жизнь, не знали ни горя, ни страданий, ни распрей, ни гнета; в свободное от труда время они лишь прыгали и восклицали, от всего сердца выражая рвущуюся наружу радость, словно от этого зависела их жизнь.

*Единение Фуси и Нюйвы.
Каменный барельеф (эпоха Хань)*

Нюйва очень любила наблюдать за проявлениями радости своих детей — когда она видела, что людям хорошо, ее силы возрастали, и она могла создавать еще больше людей. Однако подобные их крики были неблагозвучными, поэтому Нюйва сделала из тыквы-горлянки

*шэнхуан*², из которого можно было извлекать восхитительные звуки. Люди прыгали под музыку шэнхуана, их движения становились ритмичнее и изящнее, а выкрики стали менее дикими. Изящные прыжки превратились в танцы, мелодичные возгласы — в песни, прелестные звуки слились в музыку, и так шэнхуан стал первым музыкальным инструментом, который подарила людям Нюйва.

Появилась музыка, которая несла с собой радость, а за ней неминуемо следовала любовь. Это было прекрасно: в лесах, на лугах мужчины играли на шэнхуанах, а женщины под музыку заводили песни и танцы. В это время юноши любовались девушками, а те поглядывали на юношей, и так, под чарующие мелодии и грациозные танцы, зарождалась любовь.

Нюйва радовалась, видя нежные чувства людей, но все же была немного огорчена. Она не могла сказать, что ее тревожит, лишь чувствовала, будто чего-то ждет. Как и в людях, в ней зародились ростки любви. Услышав прелестные мелодии шэнхуана, она вдруг почувствовала тоску.

«У людей есть лишь один музыкальный инструмент, и, как искусно на нем ни играй, все равно вскоре надоеет, — подумала Нюйва. — Вот бы сделать еще».

В мире богов не бывает случайностей, ведь они все предугадывают. Не успела Нюйва додумать, как люди тут же прекратили песни и пляски, услышав доносящиеся из глубины леса манящие звуки музыки. Дивная мелодия очаровала людей, и они побежали в лес на ее зов.

В лесу их ждал мужчина, одетый в звериную шкуру. Он сидел, поджав ноги, на опушке, а рядом с ним была деревянная доска с десятком натянутых на нее струн из звериных жил. Он-то и извлекал чарующие звуки, перебирая обеими руками струны инструмента.

— Брат! — изумленно воскликнула Нюйва и бросилась к нему, словно ребенок, напрочь лишившись божественного величия.

То был Небесный владыка Фуси, правитель Востока. Его так тронули деяния Нюйвы на земле, что он тоже захотел сделать что-нибудь для людей и прилетел к ним.

— Я знаю, что ты создала людей, — громко похвалил он Нюйву. — Что ты им подарила?

² Шэнхуан — духовой музыкальный инструмент.

— Шэнхуан и музыку. Что это? — спросила Нюйва, указывая на музыкальный инструмент в руках Фуси.

— Это *циньсэ*, подарок тебе. Шэнхуан — духовой инструмент, а циньсэ — струнный щипковый. Если играть на них одновременно — получится еще более чарующая музыка.

Фуси и Нюйва. Каменный барельеф (эпоха Хань)

— Спасибо, брат, — ласково поблагодарила его Нюйва, ее недавнюю грусть как рукой сняло.

— Скажи, я могу что-нибудь еще для тебя сделать?

Нюйва поняла, что Фуси прилетел на землю, чтобы помочь ей.

— Я хочу сделать жизнь людей еще прекраснее.

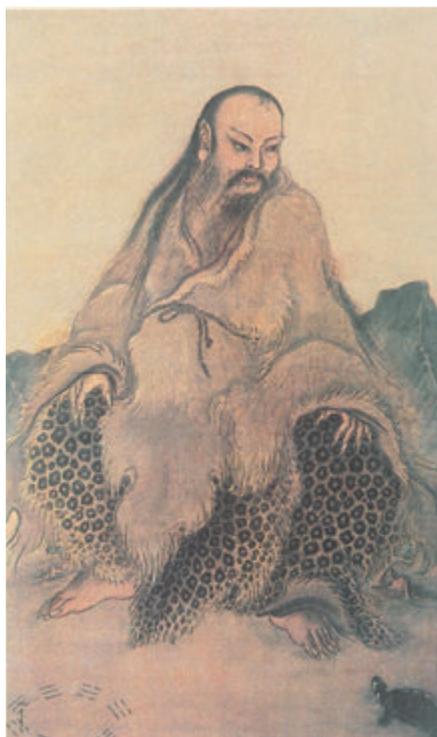
Фуси улыбнулся:

— Тогда давай посмотрим, что еще нужно людям.

В лесу они заметили охотников, поймавших крупного зверя. Толпа окружила животное, его закололи заостренными палками. Зверь упал, и люди бросились отрезать от него куски мяса каменными ножами, затем клали их в рот и жевали, капая себе на грудь сочащейся из мяса кровью. Увидев это дикое зрелище, Фуси подошел к людям.

— Разве вам нравится есть мясо вот так, сырым? — спросил он. Охотники растерялись, не зная, что ответить.

Фуси велел им собрать сухие ветки. Затем, вскинув руки к небу, призвал молнию: она попала в хворост, и тот вспыхнул пламенем. Когда огонь разгорелся, Фуси попросил людей положить куски мяса в костер. Вскоре мясо стало источать приятный аромат. Люди потянулись на запах, как пчелиный рой, и, не дожидаясь, когда мясо прожарится до конца, наперебой бросились его есть.

Изображение Фуси

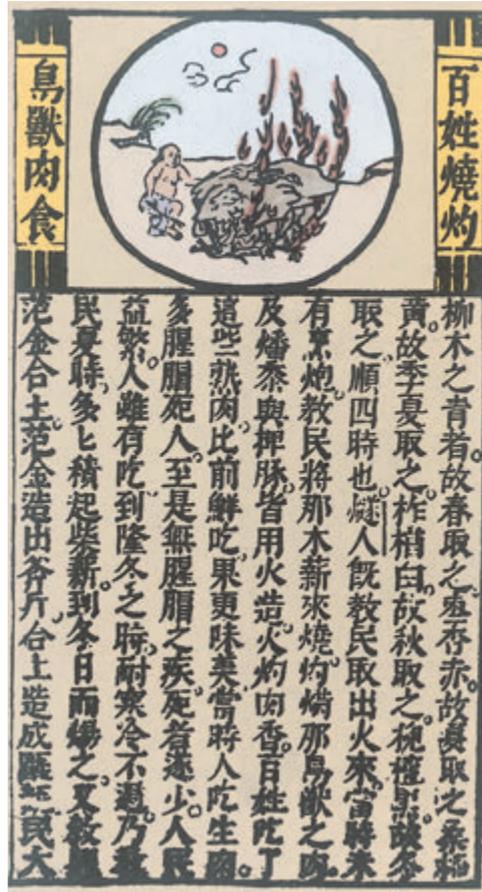
Фуси объяснил людям, как поддерживать огонь, и с тех пор они стали жарить мясо.

Нюйва повела Фуси на берег реки — показать, как люди ловят рыбу. Те либо накалывали ее на заостренные палки, либо голышом прыгали в воду и ловили рыбу руками. Испуганные рыбы метались в воде, и за весь день люди не поймали и нескольких рыбешек.

При виде тщетных попыток людей сердце Ньювы сжалось.

— Брат, придумай что-нибудь для ловли рыбы, — попросила она Фуси.

Тот не ответил. Он собрал вокруг себя рыбаков, подошел с ними к кусту и, указав на огромную паутину на нем, спросил:

Простой народ готовит еду, жарит мясо птиц и животных (эпоха Мин)

— Скажите мне, как паук ловит насекомых?

— Он выпускает нити, к которым они прилипают, — ответил один человек.

— Он переплетает нити, чтобы насекомые застревали в них, — добавил другой.

— Это паутина, — сказал Фуси. — Если ею можно ловить насекомых, то и рыбу тоже, не так ли? Давайте же использовать для ловли рыбы сеть.

Фуси поднялся с рыбаками на гору, срубил терновые прутья, свил из них веревки и научил людей плести рыболовную сеть наподобие паутины. Люди опустили сеть в реку и вскоре поймали очень много рыбы.

Гоуман (эпоха Цин)

Среди богов также был Гоуман, бог весны и деревьев, помощник Фуси. Он прибыл на землю следом за Фуси и дожидался его зова в потустороннем мире. Увидев, что Фуси научил людей плести рыболовные сети, он подумал о том, как тяжело людям ловить руками птиц. Раз сетью можно поймать рыбу, то, наверное, и птиц тоже? Тогда он привел людей в лес и научил их плести силки. Умные люди быстро овладели этим мастерством и стали расставлять силки.

Блага, которые даровал Фуси, заставили людей смотреть на Небесного владыку с еще большим почтением, и они стали чаще приносить ему жертвы, еще пышнее совершать обряды в его честь. В жертву

приносились звери без единого изъяна (*шэн*) и с безупречной шерстью (*си*). Добывать таких животных становилось все труднее.

Нюйва спросила Фуси:

— Как сделать так, чтобы люди смогли чаще ловить жертвенных животных?

Гоуман. Художник Цзян Инхао (эпоха Мин)

Теперь она находилась под покровительством Небесного владыки и надеялась, что он все устроит для ее детей.

Фуси по-прежнему не отвечал Нюйве. Он стоял на широком лугу, молча раскинув руки, и мысленно обращался к Гоуману, отдавая тому приказ.

Гоуман вытянул руки из потустороннего мира и закружил по лесу, как ураган, хватая деревья в охапку. Сломанные деревья он быстро порубил на аккуратные столбы разной высоты. Поднялся ветер, закрубились тучи, и столбы, взмыв ввысь вслед за Гоуманом, подлетели к Фуси и Нюйве и выстроились перед ними в ровный частокол.

Люди, еще не понимая, что произошло, столпились перед диковинным сооружением. В это время Гоуман уже начал сгонять на равнину покорных травоядных животных — быков, лошадей, кабанов, овец — и направлять их к ограде. Фуси и Нюйва открыли загон и впустили туда скот.

— Скошите траву, — сказал Фуси людям, — выкормите этих животных, и у вас всегда будет что принести в жертву.

*Фуси и Нюйва. Каменный барельеф
(эпоха Хань)*

Так Небесный владыка научил людей скотоводству. Люди пали ниц перед Фуси и Нюйвой.

Животные чистой масти стали жертвенными, а нечистой масти — кормильцами. Люди освободились от необходимости охотиться, еды для них стало больше, и они почувствовали ни с чем не сравнимое счастье. Куда бы ни пришли Фуси и Нюйва, люди громко приветствовали их, благодарные им за дары.

Снова наступила беззвездная ночь с яркой луной. Мужчины заиграли на шэнхуанах, женщины взялись за циньсэ, и опьяненная сладкими мелодиями луна стыдливо натянула на свой светлый лик покрывало облаков.

С первыми звуками музыки мужчины, ведя за собой женщин, собрались у костра и радостно пустились в пляс.

Неподалеку от них на склоне горы Нюйва и Фуси любовались людской гульбой. Сойдя на землю, Фуси сделал жизнь людей прекраснее, и оттого Нюйва еще сильнее полюбила брата. Она хотела сказать ему, что люди — их общие творения, и тут же поняла, что Фуси прочитал ее мысли, когда он крепко сжал ее руку.

В небе светила луна. Музыка вдруг прекратилась, девушки, изящно повернувшись в талии, побежали к лесу, следом за ними юноши догнали каждый приглянувшуюся ему девушку, и они, взявшись за руки, парами вбежали в лес.

Вот так просто и вместе с тем изумительно люди стали вступать в браки.

Мир в мгновение затих, лишь тихо потрескивал костер на широкой поляне. Вдруг Фуси потянул Нюйву за руку в сторону леса. Именно этого она и ждала. Вскоре они исчезли в лесной темноте.

— Сумерки в этом мире так прекрасны, — произнес Фуси, глядя на сверкающую меж деревьев луну.

— Тогда останься здесь со мной, — Нюйва прильнула к нему с новой надеждой в сердце.

Фуси покачал головой:

— Я Небесный владыка, и на мне лежит большая ответственность.

Нюйва не стала снова упрашивать его — она знала о долге верховного божества — и решила сполна насладиться его нежностью.

*Изображение Фуси и Нюйвы
(эпоха Тан)*

Рассветные лучи пронзили лесную чащу. Нюйва пробудилась и не обнаружила рядом Фуси, однако до ее ушей донесся его голос:

— Моя милая сестра, моя возлюбленная жена. Как небесные чертоги нуждаются во мне, так и земной мир нуждается в тебе. Я возвращаюсь домой и буду ждать тебя там.

Нюйва подняла голову и устремила свой взгляд сквозь кроны деревьев в бесконечное небо. В глазах ее блеснули слезы.

О Фуси и Нюйве, прародителях человечества, у малых народов на юге Китая ходит и другая, более очеловеченная легенда. Согласно ей, человечество погибло в результате всемирного потопа, и в живых остались лишь Фуси и Нюйва, спрятавшиеся в тыкве-горлянке. Они вступили в брак и так воссоздали человеческий род. Чем не библейское предание о Ное с тыквой вместо ковчега?

Примечательно, что в аристократических захоронениях эпохи Хань (более двух тысяч лет назад) были обнаружены изображения Фуси и Нюйвы. Они были изображены с человеческими головами и змеиными телами, их хвосты переплетены, и иногда между ними стоит прелестный ребенок. Такими представляли себе Фуси и Нюйву древние люди, а также считали их защитниками душ покойных и молили их о попадании на небеса.

И китайские Фуси и Нюйва, и греческие Зевс и Гера символизировали собой систему родства и брака древних людей. В очередной раз мы убеждаемся, что мифы отражают жизнь человечества.

ПЕРВАЯ БЕДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мир не может быть безупречным. Как рано или поздно неизбежно наступает буря, так и теперь беда нависла над человечеством.

Для людей наступили невиданные доселе темные, страшные времена: земля дрогнула, разнося грохот по всему свету; небо раскололось, явив зияющую пропасть, засверкали молнии, и на землю рекой хлынула вода. Земля разошлась паутиной трещин, рушивших все на своем пути, и из них к небу драконом взвился огонь; по всей земле несся гигантский поток воды, превращаясь в безбрежный океан. Пламя уничтожало дома, посевы, леса и все, что не успело затонуть в воде; звери, лишившиеся своих жилищ, стали охотиться на людей как на самую лакомую добычу; в воздухе парили голодные хищные птицы, то и дело пикируя на слабых стариков и детей, что не могли убежать, и разрывая их плоть. Воспользовавшись разразившимся бедствием, объявился и черный дракон, доселе спавший на центральных равнинах: он поднялся ввысь, заслонив своим громадным телом небо и солнце, и хватал всех людей, попадавших к нему на глаза.

Вода, огонь, хищные звери и ужасный дракон преследовали людей, и те, стеля, бежали во мраке наугад, спасаясь от смерти.

— О великая богиня, спаси несчастных людей! — кричали они немилосердному небу.

— Великодушная мать, защити своих детей! — зывали они к Нюйве на объятый пламенем земле.

И Нюйва в мгновение ока примчалась на землю. Она облетела весь свет, и всюду царили пожары и наводнения. При виде того, как ее дети плачут среди воды, огня и рыскающих хищников, ее лицо исказилось от боли, а из глаз хлынули слезы.

Страдающая Нюйва не могла понять, что происходило в ее сердце: в мире богов есть лишь веселье, но нет счастья; есть гнев, но нет скорби; есть ненависть, но нет любви. Богиня лила слезы, а в груди

Нюйва чинит небосвод

растекалось неведомое ей до сих пор чувство горя — но оно же придало ей огромную силу, превосходящую мощь расколотого неба и пылающей земли.

Ее божественное могущество было необходимо, чтобы покончить с этой бедой.

Нюйва пропустила через себя дыхание инь и ян Вселенной и воздела руки к расколотому небу. В одно мгновение бесчисленное множество камней пяти разных цветов поднялись ввысь из воды, из горящих лесов, из нетронутой потопом земли, и мириады разноцветных лучей света, пронзив непроглядную тьму и грозное небо, сошлись в одной точке и устремились к земле перед Нюйвой. Богиня призвала молнию, чтобы расплавить камни, и их тут же поглотил бушующий огонь.

Какое величественное зрелище! Огромный пылающий пожар устремился ввысь, озаряя мрачное небо багровыми отсветами. Уцелевшие люди заволокли горы и долины, упав на колени позади Нюйвы, и молили пламя о чуде. Рядом с огнем высилась величественная фигура богини, а ее полные любви глаза тревожно блестели. Зная, что за ней на коленях стоят ее дети, она не смела обернуться к ним. Нюйва хотела показать им своим холодным и неприступным видом, что пожертвует чем угодно ради их спасения, иначе будет недостойна зваться их матерью. Когда она все же повернулась к своим детям, то смогла лишь рассмеяться и завести песню — прямо как люди, когда они только родились на свет из ее рук.

Огонь постепенно погас, камни превратились в ярко-зеленый сплав. С нечеловеческой силой подхватила Нюйва раскаленную массу обеими руками и устремилась прямо к трещине в небосводе. Под взмахами рук Нюйвы разлом постепенно уменьшался, и поток воды ослабевал. Когда Нюйва залатала трещину последним куском магмы, обвалившееся небо выровнялось, ливень прекратился, тучи рассеялись, и солнце снова озарило землю. Люди, что молились на коленях на равнине, тут же запрыгали и обратили к небу радостные крики.

— Великая богиня, ты спасла нас!

— Милосердная мать, ты снова подарила нам жизнь!

Нюйва услышала крики людей, однако не приняла их поклонение. Она боялась, что небо снова обрушится, поэтому, отправившись к Восточному морю, поймала исполинскую черепаху, отрубила ей ноги и поставила их по четырем сторонам света, сделав из них колонны, подпирающие небосклон.

Небо успокоилось, следом закрылись трещины в земле, и огня как не бывало. Однако наводнение все еще свирепствовало. Нюйва, снова собрав всю свою силу, оборвала по всей земле тростник и сожгла его дотла, а золу рассеяла по воде. Зола превратилась в плотину, преградив путь потоку. Поднявшаяся огромная волна ударилась о воздвигнутую дамбу, и наводнение в конце концов утихло.

Черный дракон, что пожирал людей на равнине, видимо, еще не заметил произошедших перемен и продолжал свое кровавое пиршество. Нюйва в гневе сошла на землю и обезглавила дракона посреди пустоши. Героический поступок богини воодушевил людей: они схватили

палки и камни и погнались за хищными зверями и птицами, а поймав их, приготовили из них вкусные блюда.

Раскол в небе был залатан, трещины в земле накрепко затянулись, ливень утих, потоп отступил, огонь погас, дракон-людоед лежал на земле обезглавленный, хищники также постепенно сбежали в леса, и благодаря помощи Нюйвы свалившееся на людей бедствие было побеждено. В мире снова воцарились порядок, счастье и веселье.

Нюйва чинит небосвод

Увидев, что люди снова зажили припеваючи, Нюйва почувствовала ни с чем не сравнимое удовлетворение. Она создала людей и очень любила их, но теперь, когда ее труды в земном мире были завершены, ей пора было вернуться на небо и увидеться с Фуси.

Когда в небе засверкали звезды, Нюйва подняла голову к востоку и просидела так без сна всю ночь. С первыми рассветными лучами ее сердце часто забилося в ожидании, когда розовые облака на востоке окрасят небо. Когда солнце наконец поднялось, мир оживился, и тысяча лучей, окрасив землю в багрянец, заиграли на теле богини, прогнав прочь земную усталость и обнаружив ее величие. С востока вихрем примчалась запряженная драконами повозка и остановилась перед Нюйвой. Ее послал богине восточный владыка Фуси, откликнувшись на ее тоску. Страстно желавшая вернуться домой Нюйва села в повозку, и драконы взмыли в золотистое небо, ведомые летящими впереди духами. По бокам повозки летели зеленые драконы, впереди были белые, а позади неотступно следовали летучие змеи, унося колесницу в заоблачные выси, где Фуси ждал Нюйву у небесных врат.

Нюйва снискала вечную славу, однако никогда не хвалилась своим подвигом, а, следуя своей природе, в тишине и покое зажила бок о бок с Фуси.

В мифологии любого народа встречаются легенды о свалившихся на человечество бедствиях, отражая противостояние человека и природы, — и древние люди были настолько беспомощны перед последней, что им оставалось лишь уповать на помощь сердобольной высшей силы. И все же, разве не трогает наши сердца красивая фантазия о богине Нюйве, которая может починить небосвод сплавом из камней и укрепить его колоннами из черепашьих ног?

Нюйва неизбежно напоминает нам самую выдающуюся богиню древнегреческой мифологии Афину, которая подарила людям культуру и духовность. Нюйва спасла человечество и незаметно вернулась домой, к родному очагу, никогда уже более не являясь людям; Афина подарила людям разум, однако ей всегда было недостаточно этого, и потому она часто появлялась в мире людей. Дух обеих богинь стал достоянием человечества, но разница между ними в том, что Нюйва выбрала затворничество, а Афина — славу, и это также отражает отличие восточного менталитета от западного.

ЭПОХА ЛЮДСКОГО БЛАГОДЕНСТВИЯ

То, как Ньюва положила начало прекрасному миру людей на земле, взбудоражило всех без исключения небожителей, и разговоры о помощи человечеству велись постоянно. Однако не все боги были наделены острым умом, не всем в голову приходили удачные задумки, поэтому, хоть они и превозносили Ньюву все громче, новых благодеяний в адрес человечества было не видать.

И вдруг среди людей объявился мудрец — наполовину человек, наполовину божество. То был счастливчик, созданный из комка глины самой Ньювой и случайно впитавший в себя божественный дух. Такие люди умели летать и, конечно, унаследовали от Ньювы любящее сердце и добропорядочность. Они странствовали по миру и, как герои, которые явились на землю после них, искали возможность помочь другим.

Один из таких мудрецов, странствуя по пустынным землям далеко на западе, набрел на место под названием Суймин — Огненный свет. Немыслимым показалось ему, что сюда совершенно не проникали солнечные лучи, и оттого здешние люди не имели никакого понятия ни о временах суток, ни о временах года. Еще сильнее его поразило то, что здесь повсюду горел свет, при котором люди жили и трудились, а выглядели местные обитатели точно так же, как и жившие под солнцем, но существование их было даже более счастливым и радостным. В сердце мудреца закралось любопытство, и он, следуя за источником света, направился вглубь Суймина.

Его взору предстало огромное дерево, корни и ветви которого переплелись друг с другом, далеко покрывая землю. Вершина дерева терялась в высоте, в его кроне витали облака. По всему дереву искрились огоньки, от которых вокруг было светло, как днем, а от ствола дерева раздавался стук. Мудрец, приглядевшись, увидел большую птицу, похожую на ястреба-рыболова, которая своим крепким клювом долбила

по дереву, и с каждым стуком из образовавшегося дупла вылетал сноп искр. Искры разлетались по дереву и озаряли окрестности.

«Ах, оказывается, огонь рождается от клюва этой птицы! — воскликнул мудрец. — Стало быть, таким образом люди могут добывать свет». Это открытие взволновало его, и он тут же спрыгнул с дерева, отломил от соседнего куста ветку, заострил ее, а затем начал «сверлить» ею лежавший рядом сухой сук. Вскоре дерево задымилось, и из него взвились языки пламени.

Могила Суйжэня

«Огонь от молнии больше не нужен! Можно не бояться, что огонь потухнет! Можно разжечь его самим!» — безумная мечта стала реальностью. Мудрец с криком вылетел из Суймина, вернулся в мир под солнцем и быстро распространил новый способ добычи огня среди людей.

Люди были очень благодарны мудрецу. Из поколения в поколение передавалось полученное ими от Фуси знание о том, как добывать огонь от молнии, как оберегать его и не давать погаснуть. Теперь в этом не было необходимости, отныне и в самых далеких уголках земли можно было получить тепло от огня. В знак огромной признательности человечество навеки сохранило память о мудреце: его сделали божеством, стали поклоняться ему и дали ему имя Суйжэнь — Добытчик огня.

С самого начала своего существования на земле люди ютились в пещерах. Тогда хищные звери намного превосходили людей числом, и люди не только одолевали их с превеликим трудом, но и часто сами становились жертвами хищников в собственных жилищах.

Курган Суйжэня

Кроме Суйжэня, по свету бродил и другой мудрец-полубог. Однажды, когда он был в лесу, спустились сумерки, а он никак не мог найти пещеру для ночлега. Чтобы не попасться в лапы хищному зверю, он взлетел на высокое дерево и устроился на развилке. Ночью в лесу послышался рев зверей, учувших человека, и те собрались под деревом, уставившись на мудреца. Человек — самая желанная добыча для хищников, но они только и могли, что смотреть на него и рычать.

Всю ночь мудрец не мог сомкнуть глаз, а с первыми лучами солнца обнаружил на соседней развилке огромное птичье гнездо. Внутри безмятежно спала пара крупных птиц с птенцом, и звериный вой под деревом не тревожил их сон: на дереве они были в безопасности. Мудрец понял: раз птицы строят гнезда высоко на деревьях, чтобы укрыться от хищников, то и люди могут делать так же.

Мудрец тут же наломал веток и свил из них гнездо. Конечно, он был умнее птиц, и у его гнезда была еще и крыша, которая защищала не только от хищников, но и от дождя и ветра.

Так у людей появился первый дом.

Взяв с собой свое изобретение, мудрец продолжил странствовать по свету и в каждом селении рассказывал людям о новом способе обустройства жилья. Люди вышли из своих пещер и стали жить в домах на деревьях. Вскоре сообразительные люди спустились с деревьев обратно на землю и принялись строить дома там, и тогда повсюду, точно бамбук после дождя, выросли жилища всех видов и размеров.

Подобно Суйжэню, этот мудрец стал для людей почитаемым божеством, и его нарекли Ючао — Хозяином гнезда.

В эпоху людского благоденствия не существовало убийств, распри, обмана, зависти, ненависти. Вокруг царили любовь, дружба, согласие, скромность и порядочность. Люди вели беззаботную жизнь и потому быстро плодились, даров природы уже становилось недостаточно для их пропитания, и им пришлось есть даже жертвенных животных. Людям оставалось лишь, встав на колени, протягивать к небу пустые руки и молить богов о милости.

Из-за того, что животных для подношений больше не осталось, речи богов стали менее благосклонными, однако они по-прежнему продолжали спорить о том, как можно помочь людям.

Никто и не заметил, как во время этого бесплодного спора из небесных врат на землю вылетел владыка Юга, Огненный император Шэньнун (Янь-ди). Он всегда украдкой наблюдал за людьми, восхищаясь великими достижениями Фуси и Нюйвы. «Почему я не могу достичь того же? — часто думал он. — Я тоже верховное божество, и тоже должен что-нибудь сделать для людей». Теперь ему наконец представилась возможность доказать свои слова на деле.

Но даже верховному богу требуются незаурядные способности, чтобы помочь человечеству: ведь божества совершенно не представляют, что можно подарить людям, поскольку видят лишь достоинства их жизни и не замечают недостатков. Фуси, вдохновившись паутиной, сделал для людей рыболовную сеть — а что делать Шэньнуну? Люди уже научились употреблять в пищу зверей, рыб, птиц, плоды — чем же еще можно утолить их голод? Тигры охотятся на овец, овцы жуют

Шэньнун учит людей земледелию (эпоха Хань)

траву, стервятники едят маленьких птиц, те питаются червями... А чем еще? Зернами, подумал Шэньнун. Пусть люди посадят зерна в землю и вырастят съедобные травы и злаки, и это станет их спасением.

Стоя на земле, Шэньнун воздел свои огромные руки к небесам. Вмиг бирюзовое небо затянулось черными тучами, плотно заслонившими солнце. Тут же хлынул ливень, но вместо воды на землю падали семена пшеницы, риса, сои, проса и пшена. Затем тучи разошлись, выглянуло солнце, и земля оказалась завалена горой семян.

Голодные люди со всех сторон окружили Шэньнуну. Они знали, что верховные боги не станут спокойно смотреть на их страдания, но все же не могли понять, для чего нужны эти дары.

— Люди, это семена — ваша пища, — сказал им Шэньнун. — Однако прямо сейчас их есть нельзя. Вы должны посеять их и дать им вырасти, как скоту.

— Мы должны клевать их, как птицы? — спросили люди.

— Вы же люди. Разумеется, их нужно приготовить, как мясо.

— Они вкусные?

— Если ими не объедаться, то, конечно, вкусные.

— Тогда скорее научи нас, как их выращивать, — в нетерпении попросили люди.

Шэньнун показал людям, как изготовить из дерева лопату и плуг, затем повел их на поиски влажной плодородной земли, показал, как копать землю лопатой, как с помощью скота тащить плуг, чтобы вспахать землю, и рассеивать семена по рыхлой почве. Он призвал с неба бога дождя Чи Сунцзы и велел ему поместить тучу над засеянной землей. От дождевой воды семена быстро проросли.

Пришла осень, и на поле вырос большой урожай. С тех пор люди научились возделывать землю и больше не беспокоились о пропитании, а зерно стало их главной пищей.

Изображение Шэньнуня

Мир не видал более прекрасного дара, но все же сытые люди обратились к Шэньнуну с просьбой:

— Боже, окажи нам еще милость.

— Говорите, что еще вам нужно?

— Когда великая богиня Нюйва только создала нас, то люди, старея и приближаясь к смерти, ложились и легко и спокойно ожидали наступления кончины. Но с некоторых пор яд болезней и ранений затронул наши тела, принеся нам невыносимые мучения, — с горечью сказали люди.

Шэньнун изумился. Ему было невдомек, как чувствует себя человек во время недуга, ведь боги не подвержены болезням. Не знал он и о том, что люди могут болеть: ведь когда те появились на свет, все обстояло иначе. Отчего же люди заболевают? Оттого ли, что они были созданы не идеальными, и теперь ему нужно усовершенствовать их — подобно

тому, как Нюйва чинила и латала мир, созданный Паньгу? «Какая удача, — подумал Шэньнун. — Великая Нюйва, сотворив людей, все же оставила в них небольшой изъян, чтобы я мог его исправить».

Скульптура Янь-ди

Шэньнун больше не медлил ни минуты.

— Люди, скорее приведите ко мне своих больных, — поторопился он.

Люди тут же приволокли к Шэньнуну больных, страдавших от самых разных хворей. Верховный владыка закрыл глаза, призвал божественную силу и перенес болезни с человеческих тел внутрь себя. Все его тело пронзила боль, кровь закипела, внутренности задрожали, и лишь сердце продолжало биться ровно. Шэньнун наконец ощутил на себе боль людей.

Вот как, оказывается, мучаются от болезней! Шэньнун сокрушался, что не мог раньше узнать о людских страданиях.

— Подождите меня, — сказал он людям. — С вашими недугами скоро будет покончено.

Шэньнун взмыл в облака и полетел к глубокому уединенному ущелью, куда не ступала нога человека. Он был уверен, что раз тело Паньгу превратилось во все сущее на земле, то должно быть и что-то, способное исцелить людей. Его тело мучилось от свалившихся на него недугов, но он сам позволял им оставаться внутри, дабы найти путь к исцелению. Он собирал все попадавшие ему на пути травы, жевал и глотал их, а затем терпеливо ждал перемен в организме. Как только какая-нибудь болезнь ослабевала, он давал название целебному растению и отмечал, от чего именно оно помогло.

Родина Янь-ди

Огненный император без устали пробовал травы в ущелье, каждый день травясь десятками неизвестных растений, но всякий раз избавляясь от их зловредного воздействия. Когда он наконец победил все болезни, то написал для людей трактат о травах.

Он вылетел из ущелья и вернулся к людям.

— Люди, используйте описанные в этой книге травы для лечения недугов, — с этими словами бог подарил им трактат.

Увидев нарисованные на страницах книги диковинные растения, люди изумились.

— Как называются все эти травы?

— Лекарственные, — ответил Шэньнун.

С тех пор людям больше не приходилось тревожить богов мольбами явиться к ним и избавить от болезней, ведь на земле можно было найти сотню целебных трав.

Для людей снова наступили беззаботные дни.

Поразительно, что в китайской мифологии, как и в древнегреческой, упоминается золотая пора человечества, когда люди, подобно богам, жили беззаботно. Однако в китайских легендах люди получили больше, чем в греческих: огонь, дома, хлеб, лекарства — человечество обрело все. Боги и духи сделали мир людей не сравнимым ни с чем.

Не слишком ли человеческим характером для бога обладает огненный император Шэньнун, появившийся в наших мифах? Не стоит особенно сомневаться в этом: важно то, что он был одним из предков китайского народа, и древние китайцы, называвшие себя потомками Хуан-ди и Янь-ди, не могли не восхвалять его.

Вам также может показаться, что и Суйжэнь с Ючао скорее напоминают людей, нежели божеств. В этом и заключается изюминка китайской мифологии: за культурой, созданной людьми, неизменно угадываются человеческие фигуры.

ГУНГУН УДАРЕТСЯ О ГОРУ БУЧЖОУ

Война — самая ненавистная вещь на свете. Разве не очевидно, что люди жаждут мирной жизни? Но для того чтобы поведать вам историю становления мира, мы должны начать с рассказа об одной войне между отцом и сыном.

Из последующих легенд вы узнаете, что эпоха людского благоденствия закончилась войной между Хуан-ди (Сюаньюанем) и Янь-ди (Шэньнуном). В результате этого противостояния Хуан-ди объединил под своей властью небесный и земной миры и вместе с четырьмя соправителями, утвердившимися в разных частях света, — Фуси, Шэньнуном, Шао-хао и Чжуань-сюем — стал верховным императором Вселенной. После этого люди вновь зажили мирной жизнью, поэтому, когда разразилась очередная война, они были потрясены. Этот конфликт затеял бог воды Гунгун, и начался он внезапно и невообразимо.

Во время войны между Хуан-ди и Янь-ди, когда огненный бог Чжужун, праправнук Янь-ди и отец Гунгуна, отступил под натиском прилива, вызванного Юем и Сюаньмином — сыном и внуком Хуан-ди, богами Восточного и Северного морей, — именно Гунгун проявил инициативу на поле битвы, обернув наводнение против армии Хуан-ди и утопив ее. Выходит, хоть в итоге Хуан-ди и одолел Янь-ди, он все-таки проиграл Гунгуну.

Чи Ю с войском вторгается в страну Юйго (эпоха Мин)

Изображение Шэньнуна

Это была единственная слава, которую род Шэньнуна стяжал в том сражении. Добрый и честный Янь-ди, потерпев поражение от собственного младшего брата Хуан-ди, довольствовался властью над одним только Югом — какое малодушие! Гунгун не признал господства Хуан-ди, но и Янь-ди казался ему бесхребетным. Поэтому он вознамерился отомстить, возвеличить свой род и самому стать верховным императором Вселенной. Но для того чтобы свергнуть Хуан-ди, он должен был занять трон небесного императора Юга и возглавить свой клан.

Силен был Гунгун: в его руках была власть над всеми водами земными. Лишь три десятых земли занимала суша, а вода — семь десятых, и океаны были гораздо шире окруженной ими суши. Поэтому Гунгун не без оснований полагал, что обладает бóльшим могуществом, чем небесный император. Мстительность и жадность — причина всех грехов, и даже боги оказываются подвержены ими. Алчность ослепила

Чжужун сражается с Чи Ю

Гунгуна: теперь ему было мало повелевать водой, он хотел управлять всем миром.

Наконец, Гунгун больше не мог сдерживать свою жажду власти и, собрав воедино мощь всех рек, озер и морей, бросил вызов власти Янь-ди.

Гунгун явился во дворец Шэньнуна. Небесный император был на несколько поколений старше Гунгуна, но властолюбие настолько затмило его разум, что он совсем забыл о своем происхождении. Гунгун нагло заявил:

— Послушай-ка, дедушка: я буду верховным императором Вселенной, воздам по заслугам Сюаньюаню и покрою наш род славой.

Шэньнун давно уже знал о дурных замыслах Гунгуна, но ведь тот все-таки был его потомком, поэтому он ответил мягким укором:

— Дитя мое, верховный император Вселенной — мой брат Хуан-ди, и я повинуюсь его приказам. Оставь свои пустые фантазии.

— Почему это они пустые? Из-за твоей слабости наш род утратил свои позиции в мире богов, и ты не можешь вернуть ему былое величие. Так что предоставь сделать это мне, — надменно сказал Гунгун.

Такого нахальства от прапраправнука Шэньнун стерпеть не мог.

— Замолчи! Как ты смеешь говорить со мной таким тоном?

— Да так, что океаны, над которыми я владычествую, обширнее земля, которыми ты правишь.

Чжужун. Художник Цзян Инхао (эпоха Мин)

— Власть небесного императора основана на его добродетели и преданности человечеству. Без добродетели ты не сможешь повелевать царством людей и уж тем более не сумеешь управиться с царством божеств.

— Я знаю, что ты добродетелен и что ты облагодетельствовал человечество. Но если ты не подчинишься мне, то, как и в прежние времена, мир захлестнет наводнение. Оно расколет землю, сотрясет небо, и все сущее утонет, — безрассудно выпалил Гунгун. — Уж тогда придется тебе пойти поучиться у Нюйвы, как спасать людей!

Шэньнун вышел из себя и крикнул богу огня Чжужуну, стоявшему подле него:

— Чжужун! И ты еще ждешь моего приказа?

До чего горестно: ведь Чжужун был отцом Гунгуна. Со времен битвы при Баньцюане обитал он в небесных чертогах, снедаемый стыдом и унижением, — и лишь Гунгун, покрывший себя почетом, был его гордостью. Он и вообразить не мог, что родной сын станет таким отвратительным. Теперь, услышав упрек небесного императора и не найдя слов, он выскочил вперед и кинулся на Гунгуна с кулаками. Гунгун, чья сила на небесах была невелика, еле унес ноги.

Чжужун. Художник Чэнь Хоинь, провинция Сычуань (эпоха Цин)

Страшное дело: из-за непомерных амбиций Гунгуна и среди богов, и среди людей развелось множество пороков. Обман, мошенничество, воровство, грабежи, заговоры, угрозы, клятвопреступления, жадность, вражда — все мыслимые злодейства и пороки охватили мир, словно эпидемия, добравшись до каждого уголка. Но так в мире появилась и справедливость — для того, чтобы препятствовать разгулу зла.

Гнев небесного владыки не заставил Гунгуна одуматься, а, напротив, побудил его действовать. Война началась.

Соединив волны четырех подвластных ему морей, Гунгун, вздыбив гигантские валы до неба, обрушил их на сушу; затем он перекрыл русла Хуанхэ и Янцзы, и бурные реки вышли из берегов. Волны затопили множество плодородных пашен, погубили бесчисленное число

живых существ. Преследуемые потопом, люди бежали куда глаза глядят, и плач не стихал по всей земле. Вид гибнущего человечества был душераздирающим.

Взоры четырех небесных владык, да и многих других божеств, были обращены на Шэньнуна: ведь не только Фуси, но и прочие из них состояли в родстве с Гунгуном. К тому же, что важнее, Гунгун был прямым потомком Шэньнуна, и лишь Шэньнуну было под силу утихомирить его бунт. Шэньнун, узрев злодеяния Гунгуна, прекрасно осознал свой долг.

— Чжужун, возьми за оружие во имя чести нашей семьи! — повелел Шэньнун. — Не прощай Гунгуна только потому, что он твой сын.

— О владыка, из-за содеянного им мне стыдно даже в глаза смотреть остальным божествам! Разве могу я простить его? — отвечал Чжужун. — Я зарублю его, как жертвенного барана!

Чжужун запряг двух драконов, вскочил на язык пламени, вылетел из небесных врат и, прорвав толщу облаков, с ревом спикировал на Гунгуна, занятого своими черными делами. За спиной его бушевал яростный огонь, затмевавший свет солнца, будто лес знамен. Устремившись вниз, обрушилось пламя на свирепые волны.

Воздух раскалился, земля забурлила. То была схватка огня и воды, борьба справедливости и зла, битва отца и сына, подобной которой не было и уже не будет в истории.

Гунгун стоял посреди водной стихии и, вздымая волны высотой в тысячу чжанов³, швырял их к облакам, тщетно пытаясь сбить Чжужуна и его драконов в океан. Чжужун в ярости взмахнул огромной рукой, и огненный сполох в десять тысяч чжанов полетел в Гунгуна, испепеляя все на своем пути. Злые волны не задержали его и с шипением испарились, легкой дымкой поднявшись к небу. Доспехи Гунгуна вспыхнули, от острой боли он не мог продолжать бой и одним рывком скрылся под водой. Волны, больше не подгоняемые волшебством бога воды, разом отхлынули, обнажив дно вместе со спрятавшимся там Гунгуном.

Жалкий и подавленный Гунгун озирался, стоя на болотистой земле, оставшейся после спада воды. Все произошло так внезапно, что он даже не успел ни о чем подумать. Фактически в ту секунду, когда он возжелал мирового господства, его судьба была решена. Он увидел отца,

³ Чжан — мера длины, равная примерно 3 м.

спускавшегося с небес на драконах, и огонь за его плечами. Чувствуя жар пламени, Гунгун ожидал смерти — но не чувствовал ни малейшего раскаяния, лишь позор от поражения. Он не смел встретиться с отцом взглядом и не знал, какого труда тому стоило обуздать драконов, возбужденных и раззадоренных одержанной победой.

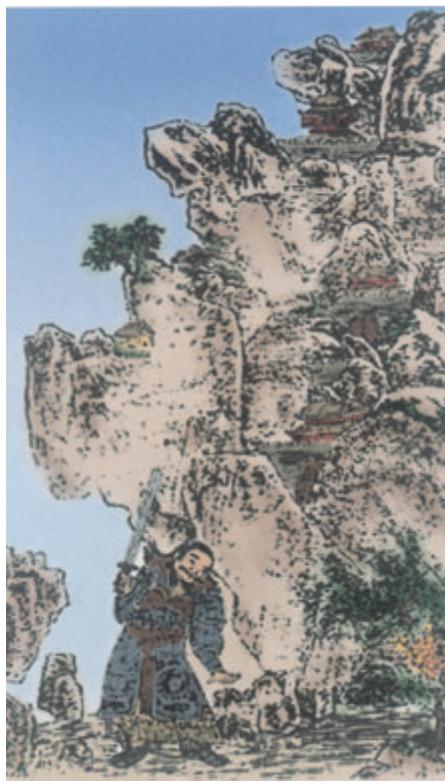
Чжужун занес руку, чтобы умертвить Гунгуна, однако медлил: все-таки тот когда-то был его гордостью. Душа его металась, раздираемая одновременно любовью и ненавистью к сыну. «Сынок, беги! — кричало его сердце. — Небесные боги наблюдают за нами, я не могу пощадить тебя!»

Гунгун наконец оправился от потрясения. Издав громкий вопль, он подпрыгнул и остервенело помчался на северо-запад. Гунгун слышал, как за спиной, преследуя его, со свистом рассекают воздух драконы.

Как горько ему было проиграть, как стыдно бежать, как ненавидел он весь мир! И, пожираемый отчаянием, врезался Гунгун в гору Бучжоу, которая служила опорой небосводу.

С оглушительным треском гора переломилась!

И мир, к ужасу и изумлению божеств, преобразился до неузнаваемости: сломанный небесный столп не рухнул окончательно и продолжал кое-как поддерживать небо, а камни, осыпавшиеся от столкновения, приподняли землю с северо-запада. Так небо склонилось к северо-западу, а земля накренилась на юго-восток; солнце, луна и звезды стали двигаться с востока на запад, а Хуанхэ и Янцзы потекли с запада на восток.

*Гунгун яростно врезается
в гору Бучжоу*

Среди божеств не нашлось никого, кто смог бы, подобно Ньюве, починить небесный столп, и с тех пор мир и остался таким.

А что же Гунгун? Отчаянный поступок, который он предпринял в стремлении покончить с собой, наоборот, позволил ему остаться в живых. В суматохе, которая охватила царство богов после произошедших метаморфоз, все забыли про него. Отец же тем более не желал ему смерти и, воспользовавшись неразберихой, отпустил Гунгуна с миром.

На этом сотворение мира богами в китайской мифологии завершилось, Вселенная больше не претерпевала никаких трансформаций. Однако нас здесь больше волнует война между отцом и сыном. Древняя китайская натурфилософия учила концепции пяти стихий — усин, их сочетанию и взаимному соотношению. Согласно ей, огонь и воздух относятся к светлому началу ян, а вода и земля — к темному началу инь. Вода гасит огонь, но сильный жар испаряет воду, и за мифом о противостоянии бога огня и бога воды стоит эта простая по своей сути идея. Конфликт отцов и детей — один из главных мотивов в мифологии любого народа. В греческих мифах отец Зевса, опасаясь, что собственные дети убьют его, проглатывал их живьем — и лишь Зевс, спасенный матерью, избежал этой участи. Повзрослев, Зевс развернул ожесточенную войну против отца, сверг его и стал верховным властителем Вселенной. В этом смысле финал сказания о Гунгуне выглядит более человечным. За трагедией смертельной схватки между отцами и сыновьями, по-видимому, кроется история оспаривания и присвоения материальных благ в первобытном родовом обществе. Не правда ли, сопоставление китайской и западной мифологии наводит на раздумья из области истории и философии?

ИСТОРИИ О БОЖЕСТВАХ

СВЯЩЕННЫЕ ГОРЫ И ЦАРСТВО БОГОВ

На бескрайних небесных просторах раскинулся привольно необъятный мир божеств и духов. Величие и суматоха, веселье и страдания, непорочность и безобразия, долг и распущенность — все это, так же как воздух и вода, наполняет эти просторы, однако в умах людей они обладают беспримерной святостью. Хоть небеса и слишком высоки, чтобы можно было заглянуть туда, люди все же знали, за что отвечает то или иное божество, — поскольку в жизни они часто обращались к разным богам за помощью в делах.

*Храм Сюаньюаня — или Хуан-ди, Желтого императора
(родоначальника китайской нации)*

◀ *Луна и богиня Сиванму (эпоха Вэй — Цзинь)*

Скульптура Хуан-ди

Установленный на небесах порядок совершенен, ведь всякое божество выполняет свои обязанности. Нет такого занятия, для которого не нашлось бы бога-покровителя, — и нет такого божества, которое не покровительствовало бы какому-нибудь делу; а попытка нарушить это устройство была бы равносильна объявлению войны.

Давайте же посмотрим, чем заняты боги.

И небесная высь, и земная твердь поделены богами на центр и четыре стороны света, и каждая сторона управляется своим верховным божеством. Хуан-ди правит центром мира, и земли его простираются на двенадцать тысяч ли. Он повелитель Вселенной, державный владыка. Помогает ему земное божество Хоу-ту, правитель столицы мрака. Хоу-ту — потомок божественного земледельца Шэньнуна, сын водяного духа Гунгуна. Поистине любопытная связь: Хуан-ди и Шэньнун — единокровные братья, и Хоу-ту на целое поколение младше Хуан-ди, но Хуан-ди доверил потомку своего брата разделить бразды правления.

Изображение Шао-хао

Веревочная мерка в руках у Хоу-ту символизирует правильность и точность, ведь он отвечает за смену времен года. Охраняет центр земли желтый дракон, а едва Хуан-ди нужно отправиться в путь, как зверь тотчас взмывает ввысь.

Владения великого первопредка Фуси тянутся на двенадцать тысяч ли к Востоку, а помогает ему древесный дух Гоуман. Гоуман — сын верховного бога Запада Шао-хао, он отвечает за приход весны, а потому считается и божеством самой жизни. Как и Хоу-ту, он должен быть точен в соблюдении законов мироздания, что и символизирует циркуль в его руках. Страж Востока — зеленый дракон, верхом на котором Фуси неизменно отправляется путешествовать.

Огненный император Шэньнун — повелитель Юга, и удел его также охватывает двенадцать тысяч ли. Его подручный — бог огня Чжужун. Он праправнук Шэньнуна, и помощь предку — предмет его особой гордости, а его преданность известна всем среди богов. Чжужун

обеспечивает наступление лета, и коромысло весов в его руках свидетельствует о точности и правильности. Хранительница Юга — жар-птица Чжу-цюэ. Ее благородное и изящное оперение источает ослепительный блеск — и всюду, где бы птица ни появилась, она притягивает к себе восхищенные взгляды.

Небесный властитель Шао-хао правит двенадцатью тысячами ли на Западе. Шао-хао — потомок Хуан-ди, и судьба его необычайна и поразительна. В помощники себе он избрал собственного сына Жушоу. Жушоу — дух стихии металла, от него зависит наступление осени. Кроме того, в его ведении кары и наказания среди небожителей, а потому от него ожидают еще большей справедливости и беспристрастности. В руках он держит плотницкий угольник, что символизирует строгость и решительность в соблюдении законов. Страж-зверь Запада — белый тигр Бай-ху, которого за свирепость и бесстрашие сами боги почитают как духа войны.

Бог Чжуань-суй царствует над двенадцатью тысячами ли на Севере. Он правнук Хуан-ди и пользуется у прадеда большой любовью — настолько, что тот однажды даже на некоторое время поручил ему управлять всей Вселенной. Помогают Чжуань-сую духи воды и божество северных морей Сюаньмин. Особенно удивительно то, что Сюаньмин — дядя Чжуань-суй: он так ценит способности своего племянника, что охотно согласился подчиняться ему. Чжуань-суй приближает приход зимы, а точность и своевременность его работы символизирует гирька от весов у него в руках. Зверь-охранитель Севера — Сюань-У, черная черепаха со змеиным хвостом.

Яснее ли вам теперь, насколько непоколебим порядок в мире богов и духов? Семейство Хуан-ди многочисленно и могущественно, все стороны света управляются его родичами-богами и их сподвижниками-духами — найдется ли в мире хоть кто-нибудь, способный поколебать их власть? Хуан-ди не только занял центр обители богов, но и сделал своей резиденцией величайшую на земле гору Куньлунь.

Эта священная гора прекрасна и непостижима. В поперечнике она насчитывает восемь сотен ли, а в высоту вздымается на десять тысяч жэней (жэнь — примерно восемь чи⁴. — *Примеч. авт.*). Горные уступы и кряжи наслаиваются друг на друга, поднимаясь прямо в поднебесье.

⁴ Чи — мера длины, равная 0,34 м.

В самой горе обустроен императорский дворец Хуан-ди, состоящий из девяти ярусов. Кольцеобразные ярусы вырастают один из другого, они величественны и преисполнены грозной силы.

По каждому из склонов горы Куньлунь тянутся девять дорог, ведущих к девяти воротам. Каждые ворота охраняет разумный сказочный зверь, напоминающий тигра, но с девятью человеческими головами. Также на каждом склоне выкопано по девять волшебных колодцев. Всякий колодец окружен нефритовой оградой, а рядом стоят сосуды, которые можно наполнить эликсиром бессмертия. По всей горе растут редкие цветы и диковинные травы, летают необычайные птицы и бродят небывалые животные. Растет здесь груша-бессемянка *шата* — похожа на обычную, но с желтыми цветами, красными плодами, на вкус как слива без косточек. Тот, кто съест ее, в воде не утонет. Встречается тут и трава под названием *хуан*, напоминающая подсолнечник, но по вкусу как лук. Тот, кто попробует ее, избавится от тоски, ощутит легкость и веселье. В местных лесах водится птица *цинъюань* — с виду как пчела, но величиной с утку. Стоит ей ужалить животное, как оно тут же погибает, стоит укусить растение — оно немедленно увядает. Еще чудовищнее — жестокий зверь *тулоу*: он похож на барана с четырьмя рогами, но способен съесть человека.

На самой вершине горы произрастает чудесный съедобный злак *мухэ* размером с дерево: в высоту он достигает четырех чжанов, а чтобы обхватить его, нужно пять человек. К западу от мухэ растут жемчужные, яшмовые и самоцветные деревья, древа бессмертия. К востоку — груши со сладчайшими плодами и деревья из белого нефрита. С южной стороны высятся коралловые деревья, с северной — деревья из зеленого нефрита. Среди драгоценных деревьев и чудесных цветов любят порхать фениксы и волшебные птицы *луаньяо*: им нравятся здешние сладкие плоды и шарики нефрита.

Особое благоговение божеств и мечты людей приковывает к себе небесное озеро Тяньчи. Воды его бурно устремляются из загробного мира на поверхность и, трижды обойдя озеро по кругу, вновь возвращаются к истоку. Божества именуют воду из Тяньчи водой бессмертия: испив ее, можно обрести вечную молодость.

Управляющий горой Куньлунь — злобный с виду дух Лу-у. Лицо у него человеческое, но тело тигриное, с девятью хвостами. Несомненно,

столь уродливое существо Хуан-ди поставил охранять гору специально, чтобы утратить незваных гостей, — точно так же, как заведовать своим гардеробом он назначил самого привлекательного из богов. Это божество по имени Чуньяо обликом напоминает изящного и прелестного феникса.

Лу-у. Художник Цзян Инхао (эпоха Мин)

Конечно, многие божества очень привязаны к такому очаровательному месту и часто устраивают на горе Куньлунь не менее веселые сборища, чем на небе, — разумеется, почтительно дождавшись приглашения от Хуан-ди. А как же насчет людей? Взобравшись на гору, они могли бы отвежать волшебных плодов, выпить особой воды и стать бессмертными и вечно юными полубогами. Почему же мы не знаем о таких людях? Очевидно, причина в том, что если бы на Куньлунь мог вскарабкаться кто угодно, то вскоре божеств на небесах стало бы больше, чем людей на земле. Склоны священной горы круты и отвесны, у подножия ее окружает глубокая бездна, наполненная гиблой водой — такой, что даже птичье перо, упав в нее, не удерживается на поверхности

и идет ко дну. Со всех сторон гору обступают огнедышащие вулканы, а на вершине растут пылающие негасимым пламенем деревья. Даже сильнейшие ветра не могут раздуть этот пожар, но и самые сильные ливни не в состоянии его потушить, поэтому все, что ни оказывается рядом, обращается в пепел. Из-за всех этих преград жаждущим бессмертия людям остается лишь мечтать да вздыхать.

Забавляться на горе Куньлунь — удел лишь божеств и духов.

По сложности своей структуры китайская мифология схожа с греческой. Как и владыка Вселенной Зевс, верховный император Хуан-ди руководит всем сонмом божеств, однако власть эта носит семейный характер. Если перенести легенды на реальную историческую почву, то это, вероятно, было результатом того, что род Хуан-ди одержал победу в борьбе за власть в Поднебесной.

Зевс для греков служил олицетворением порядка и гармонии. Бремя же духовно-нравственной ответственности, которую нес Хуан-ди, значительно больше, поскольку он стал символом целой нации. Сплоченность, стремление вперед, преемственность, единство, согласие — за всем этим в судьбе китайского народа виднеется тень Хуан-ди.

Это вызывает у вас недоумение? А между тем причина проста: Зевс обладал полностью божественной сущностью, тогда как Хуан-ди — обожествленный человек.

Представления людей Запада и Востока о священных горах удивительным образом совпадали: и те, и другие считали, что там разбит райский сад для небожителей, отделенный от смертных непреодолимыми преградами. Хотя в китайской мифологии присутствовала концепция лестницы в небо, эта лестница была предназначена лишь для божеств, и никто, кроме них, не мог воспользоваться ею, чтобы оказаться на небесах. Мысль о том, чтобы взобраться на небо, всегда оставалась такой же недостижимой мечтой, как и желание отведать плодов бессмертия или воды долголетия с горы Куньлунь.

Так уж устроен мир божеств.

РОЖДЕНИЕ ШЭНЬНУНА И ХУАН-ДИ

Изначально порядок в царстве богов был далек от совершенства: не было верховного императора Вселенной, лишь Фуси на Востоке царствовал в созданной им прекрасной стране духов. Все потому, что не находилось среди божеств того, кто далеко превосходил бы их в своих устремлениях и амбициях. Большинство богов ни за что не отвечали и действовали в зависимости от своих желаний и настроения — то гневно, то милостиво. Как же нуждался сонм бессмертных во властителе, который объединил бы их умы и сердца! Император Вселенной ждал лишь зова, чтобы появиться.

Никто и не подумал бы прочить эту роль Шаодяню: он не был старшим божеством, не обладал внушающей трепет мощью и не имел за плечами каких-либо знаменитых свершений. Однако семье его завидовали все боги: он взял в жены двух прелестных девушек, Жэньсы и Фубао, принадлежавших к прославленному божественному роду.

Рождение большинства великих богов можно предвидеть еще в момент зачатия: оно сопровождается ощущением, что будущий бог покроет себя неуязвимой славой. Именно так и был рожден небесный владыка Фуси: его мать отправилась гулять на берег озера Лэйцзэ, наткнулась на след великана и из любопытства наступила в него. Тотчас же она почувствовала, что на нее снизошла благодать бога грома Лэйшэня и что она понесла сына.

Шаодянь, конечно, тоже лелеял такую надежду и возносил молитвы о том, чтобы его жене была ниспослана великая благодать. Да и какая мать не желает родить сына, чья доблесть прогремит на все царство богов? Жэньсы очень надеялась, что ей будет дарован отклик на ее мольбы.

Великие знамения нельзя предсказать заранее, иначе у мира божеств уже давно появился бы господин. В мучительном ожидании Жэньсы уже утратила всякую надежду. Богиня не находила себе места и, чтобы развеять тоску в сердце, отправилась на землю поразвлечься.

*Глиняная статуэтка
беременной женщины (неолит)*

На небесах не было прекрасных крутых гор, подобных тем, которые Паньгу сотворил на земле, и богине тотчас же приглянулась величественная скалистая гряда. В тот день Жэньсы воспарила на гору Хуашань и стала прогуливаться по солнечному южному склону. Там, наверху, утесы громоздились один за другим, перемежаясь водопадами. Повсюду зеленели кипарисы и сосны, резвились обезьяны, щебетали птицы. Изумительный пейзаж пленил разум Жэньсы, она позабыла о небесных тревогах и даже о самом существовании Шаодяня и, отдавшись ощущению свободы, с пением помчалась по горной тропинке.

Вдруг воздух помутнел, вихрем принесло мрачные тучи, солнечный свет померк. По всему было похоже, что надвигается жестокая гроза.

— Кто из старших божеств наслал эти отвратительные тучи? — сердито прокричала Жэньсы в пустоту. — Я Жэньсы, жена Шаодяня, отдыхаю здесь. Уберите эту мглу, не портьте мне настроение!

Молчание было ей ответом.

— Я в гневе! — возопила Жэньсы.

Внезапно сквозь тучи пробился луч света, и в воздухе появился золотистый дракон. Источая ослепительный блеск, взмыл он на самый пик горы Хуашань. Пораженная этим зрелищем, Жэньсы почувствовала, как какая-то неведомая сила прилила к ее телу и растеклась внутри, и тотчас обмякла. Еще миг — и дракон исчез в небесах, тучи рассеялись, и солнце вновь засияло над горами.

— Этот появившийся из ниоткуда дракон и был откликом на мои мольбы? — засмеялась Жэньсы. Нежданное чудо, конечно же, было самым что ни на есть настоящим. Девушка оторвалась от красот Хуашани и полетела обратно на небеса.

Двадцать месяцев спустя Жэньсы родила сына. Удивительный мальчик уже трех дней от роду умел разговаривать, пяти дней от роду — ходить, а на девятый день у него уже прорезались все зубы.

Так явился в мир небесный владыка — бог солнца, огненный император Шэньнун.

Когда Шэньнун подрос, Шаодянь взял в жены еще одну девушку божественного происхождения — Фубао.

Семейным женщинам свойственно лелеять амбициозные цели, и Фубао надеялась, подобно Жэньсы, произвести на свет ребенка, которому суждено было бы стать великим божеством. Она знала, что беременность непредсказуема, но все равно продолжала, следуя примеру Жэньсы, ежедневно подмечать окружающие ее чудеса. Проносившиеся перед глазами Фубао небесные драконы, похоже, не удивляли ее и уж конечно не могли служить предвестьем беременности. Удивительные вещи вокруг Фубао будто нарочно никак не были связаны с тем, что она супруга Шаодяня, и это угнетало ее все сильнее.

Наконец однажды Фубао не выдержала.

— Почему я не могу забеременеть, как Жэньсы? — спросила она Шаодяня. — Неужели я не гожусь тебе в жены?

Шаодянь был добрым и человечным божеством, он понял беспокойство жены — тем более, что он и сам надеялся обзавестись еще одним сыном, которому уготована судьба могущественного бога.

— Нет, это просто счастливый случай пока не посетил тебя, — утешил он Фубао.

Портрет Шэньнуна

- Но почему? Разве я хуже Жэньсы?
- Нет, все жены великолепны.
- От этих слов Фубао загоревала еще крепче.
- Что же мне делать? — попросила она у мужа какого-нибудь обнадеживающего совета.
- Я не обладаю даром прорицания, — ответил Шаодянь, — но я знаю, что рождению великих богов обязательно предшествуют знамения. Попробуй, как Жэньсы, отправиться на землю. Мир, созданный Паньгу, порождает все сущее, жизнь в нем так и бурлит. Может быть, там окажется больше чудес, чем в царстве небожителей.
- Ты думаешь, что мне тоже удастся повстречать на земле дракона? — воспряла духом Фубао, вдохновившись словами Шаодяня.
- Почему именно дракона?
- Наш ребенок должен стать великим божеством.
- Тогда знамение должно быть еще более значительным, чем дракон.

Макет жилища (неолит)

От наставлений Шаодяня Фубао возликовала. Она не только желала забеременеть — увидеть необыкновенный мир людей также было ее страстной мечтой. А мир этот уже не был таким же, как в те времена, когда Жэньсы на горе Хуашань ощутила себя беременной. Тогда люди только-только появились и еще не привлекли внимания богов, и Жэньсы, прибыв на землю, одиноко бродила меж гор и рек. Но благодаря усердию, с которым Нюйва создавала людей, человечество развивалось не по дням, а по часам, и на небесах уже не просто наблюдали за людьми, но и делились множеством слухов и рассказов об их делах. Фубао, конечно, была ими очень увлечена.

Тем не менее люди еще не расселились достаточно широко, и во многих местах их жилища встречались лишь по берегам рек и озер.

Прилетев на землю, Фубао очутилась на берегу Хуанхэ. Вода в реке тогда была чистойшей, там во множестве водилась рыба, поэтому оба берега облюбовали дети Нюйвы. При появлении Фубао люди изумились, ведь прежде им доводилось видеть только матушку Нюйву.

Разумеется, эта сошедшая с небес фея тоже должна быть великим богом! Пали люди на колени перед ликом Фубао и поднесли ей жертвы.

Фубао рассмеялась: ее очень тронуло такое благоговение со стороны людей, на небесах она и вообразить такого не могла. Она рядовая богиня — о каком поклонении могла идти речь? До чего же милы и простодушны люди!

*Надпись на черепашьем панцире
(неолит)*

Ей захотелось, подобно Нюйве, сделать что-нибудь для людей, но она не обладала таким же могуществом. Поэтому она вскричала:

— О все живущие на земле! Я небожительница Фубао, жена Шаодяня. Помогите мне, и я в изобилии обеспечу вас пропитанием!

Земля не ответила ей, но разнесла эхо ее крика по приречным полям и лесам.

Стала Фубао охотиться, удить рыбу, собирать плоды и фрукты вместе с людьми. При виде ее звери прекращали свой бег, рыба замирала на месте, плоды больше не прятались в кронах. Так людям удалось в избытке добыть себе пищи.

Благодарность человечества к Фубао была безмерной. Однако эта скромная и не искусная в речах богиня, трудясь ради людей, никак не соглашалась назвать им свое имя.

— Богиня, как же тебя зовут? Мы хотим приносить тебе жертвы так же, как и Ньюйве.

Барaban из цветной керамики (неолит)

Но ведь поклонения людей достойны лишь великие боги! Фубао покачала головой:

— Я лишь одна из многих ничем не примечательных божеств, как я могу допустить, чтобы вы мне поклонялись?

— Ты накормила нас, и мы желаем тебя отблагодарить.

— Не нужно благодарности, просто помолитесь о моем благе.

— Какого блага хочешь ты для себя?

Яшмовое украшение в виде горы (неолит)

— Пожелайте, чтобы у меня родилось великое дитя, которое принесет вам невиданное счастье.

— Желаем тебе этого! — пав на колени на берегу Хуанхэ, вознесли люди к небу мольбы.

Взошел молодой месяц и, словно свежий лепесток белой хризантемы, вспорхнул к необъятным тучам в темно-синей выси, залил всю землю холодным блеском. Все уснуло, погрузившись в тихие сумерки, и лишь отражение луны легонько колыхалось на речных волнах.

Фубао очень полюбился земной пейзаж при луне, он показался ей одновременно чарующим ум и питающим душу. Увлечшись зрелищем, она даже позабыла о причине своего появления на земле.

Небо усеяли звезды, и Фубао принялась считать их. Главные божества каждого созвездия были ей знакомы: они часто заглядывали в гости побеседовать с Шаодянем. В северной части небосвода взошла Полярная звезда. Фубао устремила свой взгляд на Ковш Большой Медведицы, находившийся в зените. То были семь наиболее приметных звезд на ночном небе, и первые две — Тяньшу и Тяньсюань⁵ образовывали линию, которая указывала на север, на Полярную звезду. Стороны самой Вселенной ориентировались по их расположению.

⁵ Китайские названия Дубхе и Мерака, альфы и беты Большой Медведицы.

Рифленый керамический котел (неолит)

— До чего же величественно! — вздохнула Фубао.

В эту самую минуту случилось чудо. От Полярной звезды отделилась сверкающая молния, мгновенно озарила небеса и землю, устремилась к звезде Тяньшу и обвилась вокруг нее, словно блистающий дракон, наполнив мир ослепительным светом. Едва увидев вспышку молнии, Фубао почувствовала мощный прилив возбуждения, охвативший ее с головы до ног.

Это и есть ощущение беременности? Фубао, залившись слезами, встала на колени и обратила к сияющей молнии мольбу:

— Даруй мне дитя, чтобы оно непременно стало великим божеством!

Молния исчезла, сменившись рассветными облаками. Огромное красное солнце взошло с востока.

— Я хочу родить ребенка на земле, — сказала Фубао Шаодяню, вложив в эти слова свое сердце.

— Зачем?

— Это пожелания людей помогли мне зачать сына.

— Хорошо. Он точно станет повелителем Вселенной.

Двадцать пять месяцев спустя на Холме долголетия близ Хуанхэ Фубао произвела на свет Хуан-ди.

Легенды о рождении божества после «предчувствия беременности» распространены среди разных народов мира, и самая известная из них — библейская история о непорочной Деве Марии, которая родила Иисуса после того, как на нее снизошел Святой Дух. Для древних китайцев, которые любили придумывать себе богов, «предчувствие беременности» стало важной частью создания мифологических сюжетов. И почти каждый из небесных владык или почитаемых земных монархов появился на свет после того, как его матери было даровано великое знамение, что еще больше усиливало уважение и поддержку со стороны народа. Можно ли извлечь из этого невероятного феномена какие-либо содержательные сведения?

В эпоху матриархального общества, которую человечество пережило в процессе своего развития, ребенок знал свою мать, но не знал своего отца. В историях о «предчувствии беременности», где рождение героя полностью является заслугой матери, явно прослеживается влияние матриархального уклада, характерного для жизни древних людей.

Китайский народ почитал Янь-ди и Хуан-ди как своих перво-предков, и место их зачатия недаром совпадает с ареалом зарождения китайской цивилизации в бассейне реки Хуанхэ. Так история накладывает свой отпечаток на мифологию.

СКАЗАНИЕ О ШАО-ХАО И ЧЖУАНЬ-СЮЕ

Есть на небесах прекрасный нефритовый дворец, откуда постоянно доносятся звуки ткацкого станка. Боги, проходящие мимо, останавливаются и устремляют на него жадные взгляды, пытаются отыскать глазами богиню, которая ткёт во дворце.

Голова богини (неолит)

Несомненно, эта богиня прекрасна — а кто не любит красоту? Боги не исключение. Они стреляли глазами в ее сторону, восхищались ее прелестью и, поскольку она еще не вышла замуж, лелеяли честолюбивые помыслы. Возможно, если бы она происходила из прославленного

Керамический барабан (неолит)

семейства, они не осмелились бы так разглядывать ее, но судьба дала ей только красоту.

Ее звали Хуанфу, и она была неразлучна с ткацким челноком. Богиня вышивала изумительную парчу, и розовые рассветные облака также были ее творением. Она подолгу корпела над полотном и, сколько бы времени ни прошло, никогда не охладевала к этому занятию и не чувствовала одиночества. Но иногда и Хуанфу уставала — и тогда становилась настоящей богиней. Она летела на землю, легко и весело запрыгивала на плот и от души наслаждалась плаванием по рекам,

озерам и морям. Хотя в обители бессмертных всегда стоит погожий день, Хуанфу умела чувствовать приближение рассвета и заката, она знала, когда на земле светло, а когда темно, и всегда предпочитала отправляться в путешествие днем. Поговаривали, будто она плавает на плоту днем из-за того, что по ночам занята своими тканями, но на самом деле она просто любила красоту земли и хотела любоваться ею при свете солнца.

В тот день она снова явилась на землю и поплыла вниз по реке, и попутный ветер домчал ее до огромного Западного моря. На берегу моря росло шелковичное дерево высотой в тысячу цуней⁶. Темно-красные листья делали шелковицу похожей на громадный факел, пламя которого было видно за тысячи ли. На дереве росли блестящие пурпурные ягоды, созревавшие в течение десяти тысяч лет, и человек, съев одну такую ягоду, мог продлить свою жизнь на один день. То было любимое место Хуанфу. Крона шелковицы заслоняла солнце и давала прохладную тень, ветерок доносил аромат плодов, и можно было бесконечно предаваться мечтам, лежа в траве под деревом.

Хуанфу направила плот к суше и уже собиралась соскочить на берег, как вдруг из тени дерева брызнул яркий свет, и какая-то фигура спустилась с небес к морю. Хуанфу изумленно уставилась на нее: оказалось, что силуэт принадлежал красивому статному мужчине. Мужчина с улыбкой подошел к плоту, и сердце девушки забилось чаще. Так они стояли на расстоянии вытянутой руки, и каждый ждал, пока другой начнет разговор первым.

— Хуанфу, — воскликнул вдруг мужчина.

Хуанфу была поражена:

— Кто ты? Откуда ты знаешь мое имя?

— Каждый из небесных богов знает твое имя.

— Значит, ты тоже бог?

— Я — Тайбай, сын Бай-ди.

Ах, так это и есть звездный бог Тайбай, который ежедневно предвещает приход зари!⁷ На лице Хуанфу появился румянец. Ей уже доводилось слышать это имя, но она никогда не думала, что его обладатель так красив. В один миг в сердце Хуанфу, никогда прежде не ощущавшем одиночества, проснулось страстное желание познакомиться с Тайбаем.

⁶ Цунь — мера длины, равная 2,64 см.

⁷ Звездой Тайбай китайцы называли Венеру, которая хорошо видна перед рассветом.

Тайбай, казалось, понял чувства Хуанфу и протянул ей руку. Хуанфу невольно ответила ему тем же и спрыгнула с плота. В этот момент их сердца словно слились воедино, и они, взявшись за руки, побежали к шелковице, весело смеясь и гоняясь друг за другом. Когда они притомились, из тени вновь сверкнула вспышка света, и в руках Тайбая очутились изящные гусли. Усевшись на землю, Тайбай заиграл прекрасную мелодию, и в такт ей Хуанфу радостно задвигалась в грациозном танце.

Портрет Шао-хао

Закатное солнце уже опустилось в Западное море, но молодые люди, увлеченные друг другом, никак не могли расстаться: они совсем забыли и о времени, и о возвращении на небеса.

Наступила ночь, и лунный свет разлился по земле. Юноша и девушка взошли на плот и, правя им, закачались на морских волнах. Тайбай, отломив ветку от коричневого дерева, установил на плоту мачту и водрузил сверху флаг из переплетенных стеблей ароматного донника. Он также вырезал из яшмы фигурку голубя и прикрепил ее

на верхушке мачты, чтобы определять направление ветра, — голубя потому, что эта птица способна различать дуновения ветров всех четырех сезонов. Когда люди овладели искусством кораблестроения, то стали также помещать на мачтах флюгеры в виде птиц, научившись этому у Тайбая.

Молодые люди сидели рядом на плоту. Тайбай перебирал струны, а Хуанфу, вторя ему, мелодично запела. Когда она остановилась, Тайбай подхватил песню, отвечая девушке. Неспешно плыл звук гуслей, протяжно струились голоса, все вокруг было окутано серебристым лунным сиянием, и притихшее Западное море захлестнула волна любви юной пары.

Родина Лэй-цзу

Хуанфу забеременела. Она не вернулась в небесные чертоги и родила их с Тайбаем ребенка под сенью шелковицы близ Западного моря. Этому ребенку было суждено стать правителем Запада, Шао-хао. Из-за того, что его родители встретились у шелковичного дерева, его также прозвали Цюсанши («Из рода шелковицы»). А после того как он стал одним из небесных владык, ему дали еще и имя Бай-ди («Белый император»).

Эта душещипательная история не получила должного завершения, что окружило жизнь Шао-хао еще большей таинственностью. Тайбай,

представившийся сыном Бай-ди, отнюдь не утруждал себя отцовским долгом по отношению к Шао-хао, и след его в мифах и древних книгах вскоре оборвался. В конце концов великий Хуан-ди назвался дедом мальчика, и таким образом описание Шао-хао как внука Сюаньюаня дошло до наших дней. Но кто же из сыновей Хуан-ди, утаив свое высокое происхождение под личиной сына Бай-ди, встретился с Хуанфу? Много захватывающих легенд можно было бы сложить, пытаясь раскрыть эту тайну! Но поскольку ни в древних письменах, ни в устных сказаниях не сохранилось никакого ключа к ответу, то грядущим поколениям остается лишь гадать самим.

Когда Шао-хао вырос, он основал за далекими восточными морями собственную страну. То было птичье царство, и все должности в нем занимали птицы. Шао-хао более всего беспокоился о смене сезонов в стране птиц, потому что само выживание птичьего народа зависит от окружающей температуры. Поэтому он избрал себе в помощники феникса, царя пернатых, и поставил его начальником над ласточками, сорокопутами, воробьями и фазанами — чувствительными к погоде птицами, — чтобы контролировать смену времен года. В делах государственных Шао-хао также проявил талант, достойный Небесного владыки. Он отобрал пять выдающихся птиц: поручил голубю заведовать просвещением, орлу — командовать войсками, кукушке — руководить строительными работами, соколу — ведать наказаниями и темницами, воробью — отвечать за ремонтные работы и разные хозяйственные дела. Он также избрал пять фазанов руководить всеми ремесленниками и мастерами и назначил девять куропаток управлять сельским хозяйством. Несмотря на маленькие размеры и удаленность от большой земли, птичья страна была более цивилизованной и упорядоченной, чем человеческое царство, где после правления двух небесных императоров, Янь-ди и Хуан-ди, среди диких по натуре людей только-только сформировалась идея государственности.

В этой мирной и богатой стране Шао-хао совершил важное для будущего всего мира божественное дело: он дал воспитание своему племяннику Чжуань-сюю, правнуку Хуан-ди.

К тому времени Хуан-ди (Сюаньюань) и Янь-ди (Шэньнун) стали двумя самыми могущественными богами в небесных просторах и сравнялись по своей мощи с владыкой Востока, Небесным императором

Лэй-цзу занимается шелководством

Фуси. Сюаньюань взял в жены богиню Лэй-цзу. Преисполненная чело- веколюбием, она стала помогать Сюаньюаню и научила людей шелко- водству и ткачеству, чтобы те могли носить красивые парчовые одежды, как у богов.

Однако даже в жизни этой божественной четы присутствовало боль- шое огорчение.

Их старший сын Чанъи не был умным ребенком. Когда он подрос, то не заботился о саморазвитии, жил жизнью императорского сынка и всюду кичился своим происхождением. Он и думать не хотел о том, чтобы помогать другим божествам и людям в их делах. Раздосадован- ный Сюаньюань впервые за все время существования мира поступился родственными связями ради общего блага: он вышвырнул Чанъи за Не- бесные врата и изгнал его в мир смертных, в местечко Жошуй, чтобы тот сам добывал себе пропитание. Жошуй, что в Сычуани, — местность мрачная, болотистая и безлюдная, и жизнь здесь чрезвычайно труд- на. Здесь Чанъи взял в жены Нюйшу, и она родила ему сына Ханью. Ханью же женился на А-нью, девушке из рода Наоцзы, и от их брака появился на свет Чжуань-суй.

Стая птиц, возвращавшаяся с юга, поведала Шао-хао о разросшемся семействе Чанъи. Шао-хао растрогался и от прилива чувств всю ночь не сомкнул глаз, а наутро полетел в Жошуй и забрал малолетнего пле- мянника в птичью страну на воспитание.

Оказавшись в стране птиц, Чжуань-суй, будучи кровным родствен- ником Сюаньюаня, был окружен исключительной заботой. Чтобы

Портрет Чжуань-сюя

выпестовать племянника, Шао-хао приказал всем птицам в государстве при виде Чжуань-сюя издавать восхищенные и завистливые восклицания. Благодаря этому Чжуань-сюй быстро избавился от неловкости и смущения, присущих бедняку из Жошуя, и стал проявлять мальчишеское озорство и сообразительность. Больше всего Чжуань-сюя радовало то, что в птичьем царстве постоянно звучала музыка, и благодаря птичьему пению он рос еще более сметливым и воспитанным. Однако Шао-хао прекрасно понимал: для того чтобы племянник обрел дух великого божества, этого недостаточно.

Шао-хао унаследовал от своей матери музыкальный талант, а в песенной круговерти птичьего края его умение играть на цитре (*цин*) и гуслях (*сэ*) расцвело в полной мере. Стоило ему тронуть струны, как вся страна превращалась в один сплошной океан пения. Он хотел,

чтобы Чжуань-суй вырос принцем музыки, поэтому выбрал лучшую во всем царстве древесину и собственноручно изготовил для него пару изящных мелодичных инструментов — гусли и цитру. Струны зазвенели, птицы запели в такт, мелодия волнами разлилась вокруг — и Чжуань-суй, от души смеясь, весело пустился в пляс.

Когда Чжуань-суй исполнилось десять лет, он действительно стал принцем музыки. Шао-хао назначил племянника вторым божеством птичьей страны и поручил ему править государством от своего имени.

Почему Шао-хао испытывал такую любовь к Чжуань-суй? Из благодарности ли к деду, который его воспитал? Или ради славы всей расы небожителей? Или, быть может, он предвидел, что Чжуань-суй ждет великое будущее? Как бы то ни было, к двадцати годам Чжуань-суй под руководством Шао-хао отлично усвоил науку царствования. Все божества восхваляли добродетель Шао-хао, а далекая птичья страна стала знаменита во всем мире.

Хуан-ди наконец-то смог вздохнуть с облегчением. Он был горд тем, что его потомки сумели добиться таких результатов. Хуан-ди повелел, чтобы юный Чжуань-суй явился на небеса и стал небесным императором Севера, а Шао-хао вернулся на Запад и воцарился там.

Великое событие для Вселенной! Однако Шао-хао был расстроен. Одно дело Чжуань-суй: он был волен в своих перемещениях и, кроме того, мог часто видеться с дядей и на небесах, поэтому прощание далось ему легко. Но у Шао-хао оставалась еще его страна. Как же он мог уйти?

С уходом Чжуань-суй шумная птичья страна враз притихла. Умолкли гусли и цитра, которые Шао-хао смастерил для племянника. Скорбя и будучи не в силах вынести пустоту, воцарившуюся после отбытия Чжуань-суй, Шао-хао выбросил музыкальные инструменты в море. С тех пор в спокойную погоду можно было, прислушавшись, уловить отдаленную мелодию, доносящуюся из морских глубин: то звенели струны цитры и гуслей Чжуань-суй.

У Шао-хао было два сына: один по имени Чжун, другой по имени Гай. Чжуна он оставил на Востоке. Повелитель Востока Фуси, проникнувшись симпатией к Чжуну, позвал его себе в помощники, и тот стал древесным божеством Гоуманом. Гая Шао-хао взял с собой на Запад, где он стал духом стихии металла под именем Жушоу.

Усыпальница Шао-хао

У вас, должно быть, возникло подозрение: как эти два императора могли появиться на свет без «предчувствия беременности»? На самом деле в легендах о них предчувствие беременности тоже упоминается: мать Шао-хао увидела во сне, будто ей в объятия упал метеор, а матушка Чжуань-сюя ощутила себя беременной, глядя на звезду Яогуан (Алькаид, или Эта, в созвездии Большой Медведицы. — Примеч. авт.).

Почти каждый сюжет в китайской мифологии имеет множество вариаций, поскольку Китай слишком обширен, история его очень продолжительна, а население разнородно. А раз так, то почему бы не выбрать среди всех этих историй самую красивую и трогательную? Лучше знать несколько вариантов одной и той же истории, чтобы оживлять ее при каждом новом пересказе, иначе после трех раз даже самые преданные читатели уснут.

Хотя великие поэмы Гомера, в которых раскрывается греческая мифология, были записаны современниками в первозданном стиле, на протяжении еще нескольких тысяч лет они передавались из уст в уста. И лишь полтора века назад, после того как немецкий поэт Густав Шваб обнаружил и восстановил их тексты, они явились миру в письменной форме.

Разве не такой же путь проделала китайская мифология?

СРАЖЕНИЕ ПРИ БАНЬЦЮАНЕ

Это была первая война в истории человечества.

Мир подобен плоту на реке: когда на носу и на корме сохраняется баланс, он может плыть по течению сколько угодно, но стоит случиться крену на одну сторону, как плот опрокинется в мгновение ока. Чтобы поддерживать постоянный баланс, требуется умелый рулевой, а для поддержания постоянного мира необходим выдающийся лидер.

Шэньнун и Сюаньюань возвысились до императорского сана благодаря своей мудрости и добродетели и разделили меж собой небо и землю, и даже свободолюбивые божества, прежде не знавшие хозяина, покорились им. Но теперь, когда владыками Севера и Запада стали потомки Сюаньюаня, баланс был нарушен, и Вселенная потеряла равновесие. Кто рулевой, кто вождь? Война стала единственным способом разрешить этот вопрос.

Шэньнун не мог смириться с тем, что сделал Сюаньюань: он не просто вторгся в сферу влияния Шэньнуна, но и вынудил его отправиться на Юг, уготовив ему лишь вспомогательную роль в мире. Сюаньюань был могуч, но ведь и у Шэньнуна имелись потомки, ставшие великими божествами. Его праправнук и помощник Чжужун был всепокрушающим богом огня, сын Чжужуна Гунгун повелевал водой и всеми морями и реками в мире, а сын Гунгуна Хоу-ту был не только богом земли, но и правителем подземного царства. Сплотив вокруг себя таких родичей, разве мог он удержаться от войны с Сюаньюанем?

Местом противостояния Шэньнуна и Сюаньюаня стала земля, и это было ужасно: ее, полную жизненной силы, густо заселили боги и духи. Демон войны опутал землю, растерзал мир, и эпоха безмятежного существования человечества осталась лишь в воспоминаниях.

Янь-ди избрал полем боя богатейшую местность Баньцюань к северу от Хуанхэ, где проходила граница между его владениями и царством Сюаньюаня. Хуан-ди поставил во фронт духов и призраков, боевые

порядки его войска составили хищные птицы, а тигры, львы, леопарды и медведи встали в авангарде. В один миг все окрестности Баньцюаня заполнили демоны и духи, лес знамен затмил солнце. Первая за всю историю Вселенной война начиналась в атмосфере такого страха, которого ни люди, ни боги никогда доселе не испытывали.

Реконструкция славной военной истории

Хуан-ди не позвал Шао-хао и Чжуань-сюя на битву с братом Шэньнуном. У них как у небесных императоров было слишком много дел, кроме того, Хуан-ди был уверен, что сможет выиграть эту войну в одиночку. К тому же, после победы в войне им предстоит управлять Вселенной совместно с Шэньнуном — зачем же заставлять их вредить друг другу?

Янь-ди был божеством солнца. Он обитал на Юге — стороне огненной стихии, и его главная божественная сила, естественно, заключалась в огне. Да и помощником его был бог огня Чжужун. Едва сражение началось, Чжужун, правя упряжкой из двух драконов, повел огненных воинов в атаку на позиции Хуан-ди. Драконы изрыгали яростный огонь, а огненные солдаты, словно вулкан, выстреливали пламенем в сторону вражеской армии. От нестерпимого жара небо стало кроваво-красным, а земля почернела. Под напором огня духи Хуан-ди начали пятиться.

Желтый дракон, на котором восседал Хуан-ди, был раздражен подступающим огнем. Он поднял голову, распрямился и, паря высоко в толще облаков, злобно шипел на пламя, словно желая прорваться сквозь него и врубиться во вражеские ряды. Хуан-ди обуздал желтого дракона и навел порядок в стане своей армии.

Каменное копьё и наконечник стрелы (неолит)

— Юй, ты тоже боишься огня Чжужуна? — громко упрекнул Хуан-ди своего сына, бога Восточного моря.

— Нет, отец, — Юй подлетел к Хуан-ди и преградил путь волне жара. — Я давно ждал случая помериться силами с Чжужуном.

Сын Юя Сюаньмин, божество Северного моря, также подлетел к ним:

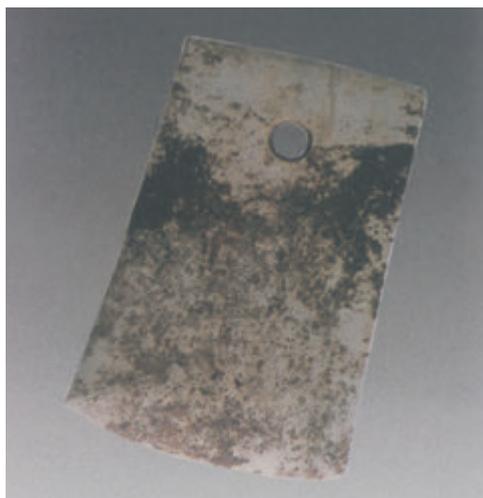
— Дедушка, мы от твоей крови и не боимся никаких духов. Мы с отцом упокоим огненных драконов Чжужуна в море!

На губах Хуан-ди появилась улыбка.

— Бейтесь же за честь нашего рода! — громогласно приказал он.

Юй ступил на двух желтых драконов, Сюаньмин ступил на двух красных драконов, и оба бога взмыли в воздух, обратив протяжные кличи к Востоку и Северу. Отозвавшись на призыв своих владык, волны Восточного и Северного морей превратились в двух гигантских

водяных драконов, которые взметнулись ввысь и, мгновенно перемахнув огромное расстояние, появились в небе над Баньцюанем. Юй и Сюаньмин полетели им навстречу — и оба дракона вновь распались на водяные массы. Капли разом заполнили весь воздух и серебристым ливнем обрушились на огненную рать Чжужуна. Сюаньмин, будучи к тому же божеством ветра, вызвал свирепый ураган, который с еще большей жестокостью гнал водный поток в сторону врага.

Каменный топор (неолит)

Кроваво-алое небо враз потемнело, а раскаленная земля остыла. Захваченный врасплох Чжужун утратил способность к сопротивлению: его драконы были опрокинуты божественным ливнем, а огненный фронт рассыпался на отдельные части. Пламя погасло, по земле разлилась небесная вода. Чжужун, едва успев спасти своих упавших в воду драконов, покинул боевые порядки, оставив бесчисленных огненных солдат барахтаться в волнах.

Тень поражения, словно мрачная туча, нависла над армией Янь-ди.

Скорбь и печаль стиснули сердце Шэньнуна. Он не ожидал, что два морских бога, сын и внук Сюаньюаня, смогут победить Чжужуна. Сам он был богом солнца, но Сюаньюань, зачатый от молнии, был божеством грозы и дождя. Огню не одолеть водную стихию. Неужто род его, Янь-ди, уступит роду Сюаньюаня?

Внезапно налетел ветер, и перед Янь-ди предстал сын Чжужуна, бог воды Гунгун.

— Дед, позволь мне сразиться с Юем и Сюаньмином! — голос Гунгуна был подобен раскату грома.

Янь-ди изумился:

— Твой отец, бог огня, был побежден водой с небес. Как же ты сумеешь справиться с ними?

— Раз огню не победить воду, то почему бы не противопоставить воду воде? — молвил Гунгун. — Я бог воды. Разве море не подчинится также и моему приказу? К тому же, здесь не вотчина Юя и Сюаньмина: Восточное и Северное моря далеко отсюда.

Лицо Янь-ди прояснилось, и на небе вновь засияло солнце.

— Пусть небесный потоп сокрушит армию Сюаньюаня, оплатим ему его же монетой. Ты умный мальчик. — Он похлопал Гунгуна по плечу и сказал: — Ступай, эта битва, несомненно, потрясет весь мир.

Вода, дождем пролившаяся на землю, теперь превратилась в безбрежный океан и продолжала двигаться в южном направлении, преследуя отступающих духов Янь-ди. Баньцюань, ранее выжженный дотла, теперь оказался затоплен, все живое погибло, воздух был полон пепла. Ни разу с тех пор, как Нюйва починила небо, мир не оказывался в столь трагичном состоянии. Хуан-ди, наблюдавший эту картину с высоты северных гор, был потрясен бедствиями войны.

— Юй, Сюаньмин, остановите наводнение! — крикнул Хуан-ди в небо. — Пусть волны отступят, пусть вновь появится земля, пускай люди вернуться к прежней идиллии...

Однако, прежде чем голос Хуан-ди достиг неба, резкий порыв ледяного ветра запечатал ему горло. И в ту же секунду из водной глади, расплескавшейся на юге, поднялся высоченный водяной вал и, вспыхнув ослепительным белым светом, покатился на север, в сторону армии Хуан-ди. Это был Гунгун. Сперва он остановил потоп на юге, а затем, нарастив водяную стену до небес, направил ее обратно на север. Могучие волны и ветры раздробили войско Хуан-ди на множество частей, и наводнение смешало эти осколки до состояния полного беспорядка.

В одно мгновение ситуация на поле битвы полностью преобразилась. Янь-ди вновь ощутил уверенность в победе своих потомков. А что же Хуан-ди? Поражение не лишило его гордости, ибо в тот самый

момент, когда к нему устремилась гигантская волна, его дети — водные божества — не только остановили ливень, но и вновь превратили разлившуюся воду в двух драконов, которые воспарили в небо и отправились обратно в Восточное и Северное моря. Потоп исчез, вновь показалась земля, и в окрестностях Баньцюаня воцарилось полное спокойствие. Обе противоборствующие армии рассеялись в разные стороны, будто бы под впечатлением от последствий битвы.

Янь-ди воспрям духом: победа Гунгуна подарила ему надежду на победу над Хуан-ди, мгла развеялась, показался лазоревый небосвод, и Вселенная будто снова протянула ему руку. Более не колеблясь, он приказал Чжужуну перегруппировать армию, а сам взлетел в небо и, держа в руках солнце, принялся пускать пылающие лучи в воинов Хуан-ди. Земля опять загорелась, и небо задрожало в пламени.

Хуан-ди не позволил смерти свирепствовать в рядах своего войска. Он взмахнул руками, сотворил огромную черную тучу, накинул ее на плечи, словно плащ, и взмыл вверх. Тотчас же сияние солнца померкло, проревел гром, засверкали молнии, и на землю вновь пролился дождь. Окрестности Баньцюаня снова оказались затоплены, и водный поток устремился на еще не успевшую построиться армию Янь-ди.

— Чжужун, направь свое пламя, чтобы вся вода Сюаньюаня испарилась! — приказал Янь-ди.

— Повелитель, ливень Сюаньюаня может потушить все пламя, — горестно ответил Чжужун.

— Гунгун, собери всю мощь своих вод и утопи войско Сюаньюаня в волнах, которые он сам же и вызвал! — сурово велел Янь-ди.

— Владыка, Сюаньюань управляет водами Млечного Пути на небесах, я ничего не могу с этим поделать, — с унынием сказал Гунгун.

В раздражении Янь-ди вспомнил о своем младшем потомке Хоу-ту.

— Хоу-ту, лишь ты один пока не вступал в бой. Используй свои возможности бога земли, чтобы преградить путь наводнению, вызванному Сюаньюанем!

Юный Хоу-ту упал на колени перед Янь-ди.

— О небесный владыка, война и так уже разорила Баньцюань. Если убрать отсюда еще и почву, то люди, лишившись земли, умрут. Мой долг как бога — позволить людям жить на земле, как же я могу устраивать разрушение? — взмолился Хоу-ту. — Прошу, вложите меч в ножны,

помириться с Хуан-ди. Пускай он правит Вселенной, пусть его считают правителем — зато вам воздадут хвалу и боги, и люди.

Слова Хоу-ту растрогали Шэньнуна и Сюаньюаня.

Хуан-ди рассеял мрачные тучи, Янь-ди унял жар солнца, и противоборствующие армии у Баньцюаня радостно приветствовали друг друга.

Полозovidный каменный нож (неолит)

— Давай возьмемся за руки, как и сказал Хоу-ту, ведь мы братья, — явился Хуан-ди к Янь-ди.

— Почему нет? — принял Янь-ди руку Хуан-ди. — Мы оба сыновья Шаодяня.

Янь-ди вместе с потомками вернулся на Юг и стал править там.

Итак, Вселенная обрела умелого рулевого! С тех пор в мире богов утвердился верховный император. Императоры четырех сторон сохранили свои титулы, но управляли миром небожителей, миром людей и загробным миром под эгидой Хуан-ди.

Доброта Хоу-ту тронула Хуан-ди, и он сделал того своим помощником. Благодаря этому отношения между Хуан-ди и Янь-ди стали более дружескими. Кроме того, Хуан-ди назначил Сюаньмина подручным

Кумирня Сюаньюаня

Чжуань-сюя, чтобы последний чувствовал себя более уверенно на новом посту императора Севера.

А как же опустошенный войной Баньцюань? Хуан-ди не мог допустить, чтобы его подданные остались в беде. Он попросил Гоумана, помощника императора Востока Фуси, чтобы тот вернул к жизни окрестности Баньцюаня. Гоуман, отвечавший за приход весны, был также и богом самой жизни, и благодаря его усилиям Баньцюань возродился и стал местом процветания для всего человечества.

Битва при Баньцюане между Хуан-ди и Янь-ди — древний миф, но ученые рассмотрели ее как эпизод китайской истории, и мифологический флер отступил на второй план. Сочетание божественного и человеческого является характерной чертой китайской мифологии. Хотя это открывает возможности для историков, но в исторической рациональности растворяется духовная природа мифа, его образность, из народной среды

он перекочевывает в академические кабинеты. Быть может, именно поэтому китайская мифология не столь известна в мире? Зевс установил новый мировой порядок в борьбе со своим отцом, а Хуан-ди стал верховным императором мира богов в результате войны со своим старшим братом. Решение проблемы господства между отцом и сыном или между братьями посредством войны — не что иное, как отображение распада первобытного родового общества, основанного на равенстве, и перехода к иерархической системе.

В мифах глубоко отпечатался след истории. Это утверждение справедливо и для Китая, и для других стран, не правда ли?

ХРАБРЕЦ СИНТЯНЬ

Хуан-ди, путешествуя по миру, источал истинное величие верховного небесного императора. Когда он шествовал по небу в великолепной колеснице, по обоим бокам его сопровождали шесть водяных драконов. За колесницей тянулся прекрасный огненный шлейф, и во все стороны от нее плескалось яркое пламя. Злой дух Чи Ю прокладывал путь, князь ветров Фэнбо подметал дорогу, бог дождя Юй-ши орошал ее водой, хищные звери охраняли императора, а свита духов двигалась позади. Под колесницей, почти касаясь земли, парил дракон, а над колесницей порхал феникс. Где бы ни проезжал Хуан-ди, все славил его, все провозглашало здравицу императору — и моря, и горы, и земля, и небеса.

Величие Хуан-ди не давало покоя одному из божеств.

Его звали Синтянем, он был прислужником Янь-ди и ведал музыкой и песнями при императорском дворе. Занимая невысокое положение, он тем не менее обладал большим талантом. Янь-ди открыл людям земледелие и медицину, благодаря ему человечество вступило в золотой век, и все живое преклонялось перед ним. Янь-ди и сам был опьянен тем, как он благодетельствовал людей, и в честь этого он повелел Синтяню написать песню «За плугом». Прекрасная веселая мелодия потекла со струн, являя слушателям сцены пахоты и сева. По приказу Янь-ди Синтянь также написал поэму «Обильный урожай» — и когда он торжественно, нараспев декламировал ее, перед взором богов, словно живые, представали возбужденные люди, радующиеся жатве. Конечно, Янь-ди любил Синтяня, однако тот не стал великим божеством, хоть его песни и стихи и были известны среди богов и людей.

И уж точно никто не ожидал, что утонченный, культурный Синтянь однажды станет храбрым воином и прославится на весь мир благодаря одной-единственной битве.

Янь-ди проиграл Хуан-ди сражение при Баньцюане и, чтобы люди более не страдали от войны, довольствовался властью лишь над частью

Вселенной и стал императором Юга. Безмятежные дни Вселенной остались в прошлом, и Синтянь, вспоминая о былом, погрузился в уныние. Музыка звучит во славу расцвета, стихи и песни слагают о благоденствии, и теперь Синтяню негде было применить свой талант. К горечи утраты примешивался и стыд от поражения.

Церемониальный нефритовый топор

— Владыка, возьмитесь за оружие и бросьте вызов Сюаньюаню, — обратился Синтянь к Янь-ди.

Тот покачал головой:

— Нет, я уже обещал Хуан-ди хранить мир. Разве могу я нарушить свое слово?

— Вспомните, повелитель: Вселенная, которой вы правили, была безграничной. Люди поклонялись вам, приносили вам жертвы днем и ночью, повсюду звучала музыка в вашу честь. Каково вам теперь без всего этого?

— А неужели все это так уж необходимо? Вселенная теперь поделена между четырьмя императорами, каждый правит своей стороной света, и я не желаю вновь оспаривать власть. Пусть Хуан-ди правит всеми, — вежливо возразил Янь-ди Синтяню.

Синтянь не пал духом из-за отказа Янь-ди — напротив, он воспыал еще большим гневом к Хуан-ди. Неожиданно для всех божеств при дворе Янь-ди Синтянь вооружился боевым топором, взял в левую руку щит, обнажился до пояса и, словно свирепый исполин, вылетел из врат Южного царства и помчался на гору Куньлунь — земную резиденцию Хуан-ди.

В это время Хуан-ди находился в своем дворце и принимал поздравления от божеств — своих подданных. Вселенная стала единой, боги утвердились на своих постах, повсюду воцарился мир. Праздники и торжества следовали сплошной чередой, и все божества непременно стремились выразить свою признательность великому Хуан-ди. Перед дворцом резвились драконы и феникс, духи толпились меж девятью кольцами крепостных стен, ожидая своей очереди на императорскую аудиенцию. Никто и помыслить не мог, что в это самое время благовоспитанный и даже изнеженный Синтянь явится в столицу, чтобы бросить вызов Хуан-ди.

Синтянь точно знал, что Хуан-ди пребывает на горе Куньлунь. Духи и божества из всех сторон света собрались здесь, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и Синтянь решил, что празднество — лучшее время, чтобы одолеть Хуан-ди. Он взлетел на гору и вломился в ворота. Девятиглавый зверь, стороживший их, не выдержал натиска топора и с истошными воплями бросился наутек. На шум прибежал Лу-у, страж горы с человеческим лицом, тигриным телом и девятью хвостами, и встал на пути Синтяня. Свиреп был Лу-у, и оружием его были хвосты: каждый хвост был подобен бронзовому бичу, под ударом которого крошился даже камень. Однако Синтянь, казалось, был даже яростнее: он размахивал огромной секирой с такой скоростью, с какой вращается колесо повозки. Хвосты Лу-у раз за разом ударялись о его щит, и грохот стоял по всей горе Куньлунь.

Хуан-ди, встревожившись, послал духов на вершину горы, и те окружили Синтяня плотными рядами.

— Кто ты? Как ты посмел затеять драку на горе Куньлунь? — спросил Хуан-ди.

Лу-у — дух горы Куньлунь. Художник Ван Фу (эпоха Цин)

Пред ликом грозного Хуан-ди и множества вооруженных божеств Синтянь не испытал ни малейшего страха:

— Я Синтянь, слуга Янь-ди.

Хуан-ди изумился:

— Тот самый Синтянь, который сочинил «За плугом» и «Обильный урожай»?

— Да.

— Мне нравится твоя музыка, твои стихи. Ты человек образованный, как же ты в таком виде явился сюда и устроил побоище?

Бронзовый нож (неолит)

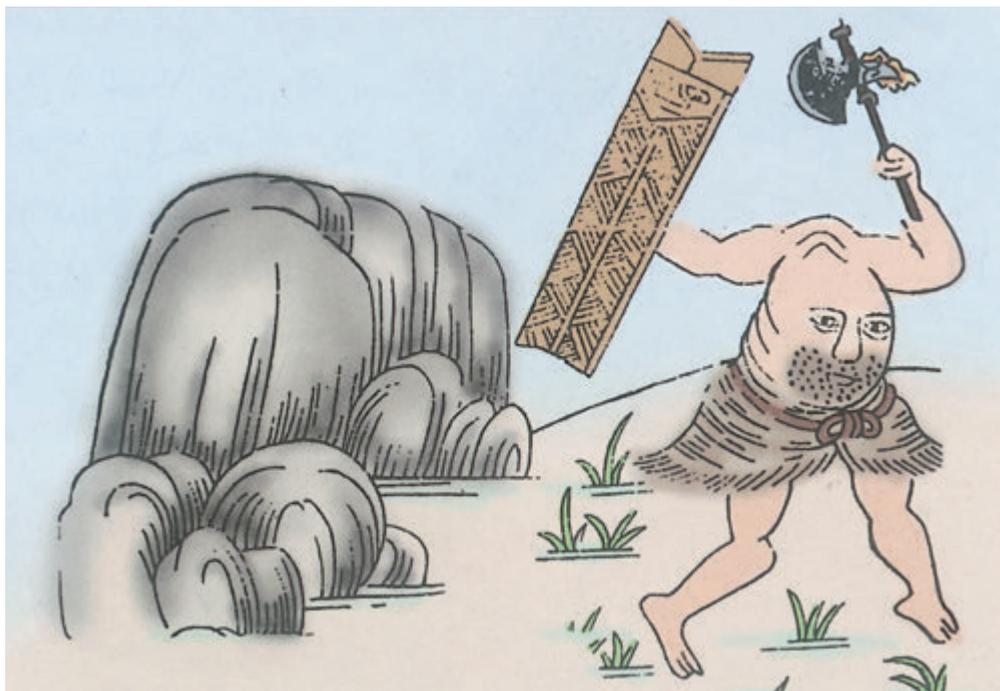
— Это месть за поражение Янь-ди при Баньцюане, — гневно ответил Синтянь, — я хочу, чтобы ты оставил престол верховного небесного императора!

Хуан-ди рассмеялся:

— Янь-ди мой брат, и мы с ним уже помирились. Сейчас во Вселенной мир и гармония, всяк находится на своем месте, и Янь-ди не одобрил бы твоего опрометчивого поступка. Немедля брось топор, убери щит и возвращайся в небесные чертоги, чтобы усладить слух богов музыкой.

— И не мечтай. Я жажду биться с тобой насмерть! — проревел Синтянь.

Синтянь бросал вызов самому верховному императору Вселенной, хозяину мира божеств, и подобное безрассудство вызвало у Хуан-ди сожаление. К тому же, императору нравился этот одаренный ученый муж, и он не хотел использовать против Синтяня всю свою божественную мощь.

Синтянь. Художник Цзян Инхао (эпоха Мин)

— Ну что ж, пусть все отойдут в сторону, мы будем сражаться один на один.

Хуан-ди взял у оруженосца свой меч, запрыгнул на облако и полетел прочь: он не хотел осквернить красоту горы Куньлунь жестокой схваткой. Синтянь метнулся вслед за ним, и оба божества с быстротой молнии скрылись за горным хребтом.

Хуан-ди взлетел на вершину горы Чанъян: эта крутая и пустынная скала, на которой не росли деревья и не обитали звери, идеально подходила для поединка. Хуан-ди очень надеялся, что, когда он выпрямится на утесе в полный рост, то его царственный вид остудит пыл Синтяня и заставит его сдаться. Он совсем не ожидал, что секира Синтяня взлетит еще до того, как он успеет развернуться и принять стойку. Топор просвистел как ветер. Хуан-ди едва-едва успел отскочить, и лезвие прошло совсем рядом с ним.

На самом деле исход этой дуэли был предрешен изначально. Разве мог какой-то Синтянь победить верховного небесного императора?

Кроме того, множество духов и призраков под предводительством Хоуту оцепили гору Чанъян, заполонили все небо вокруг нее и даже ее недра — и стоило Хуан-ди отдать приказ, как от Синтяня не осталось бы и мокрого места. Но это не страшило Синтяня, и он по-прежнему вздымал свой боевой топор, одержимый желанием убить Хуан-ди.

*Синтянь. Иллюстрация Би Юаня к «Шань хай цзин»
(«Книга гор и морей», эпоха Цин)*

Отвага Синтяня стала для Хуан-ди большой неожиданностью: он рассчитывал, что поединок будет легким, но под напором топора весь покрылся пóтом. Он уже не осмеливался свысока смотреть на противника и яро размахивал мечом, парируя его удары.

Итог схватки топора и меча во многом зависит от выносливости бойцов, и отчаянные атаки Синтяня лишь сыграли на руку Хуан-ди, который был искусным фехтовальщиком. Синтянь, столь размахисто заносивший и опускавший свой топор, вскоре утомился, и едва его натиск замедлился, как Хуан-ди сделал встречный выпад. Клинок полыхнул белым светом и тут же окрасился ярко-алым. Голова Синтяня рухнула с плеч, будто тяжелый камень, и с грохотом скатилась по склону, что вызвало шумное одобрение зрителей.

Хуан-ди было жаль Синтяня: ведь вместо того, чтобы так глупо упрямиться, он мог бы стать почетным гостем императора и исполнить перед присутствующими свои песни.

Хуан-ди с мечом в руках исчез в толще облаков, приказав Хоу-ту: «Погребите его».

Внезапно с горы Чанъян послышался рокот, сотрясший скалы. Обвалились утесы, посыпались камни. Духи и божества, которые уже были готовы отправиться вслед за Хуан-ди обратно на гору Куньлунь и продолжить пиршество, враз перестали смеяться. Хоу-ту, собиравшийся похоронить Синтяня, также застыл в воздухе, ошеломленный звуком. Все замерли и как один обратили свои взгляды на гору Чанъян.

Оказалось, что обезглавленный Синтянь не рухнул: соски на его обнаженной груди превратились в пару глаз, пупок обернулся ртом, и он продолжал рассекать воздух гигантским топором. Новые глаза видели плохо, и лезвие секиры то и дело натыкалось на скалы; рот говорил не слишком отчетливо. С каждым взмахом топора Синтянь издавал яростный рев, и, хотя различить слова не получалось, было ясно, что он призывает Хуан-ди.

Синтянь не погиб, Синтянь продолжал биться. Его боевой топор по-прежнему был остер, щит все так же крепок, клич так же громок, а боевой дух непоколебим. И, принимая гору Чанъян за Хуан-ди, он без устали наносил по ней удар за ударом.

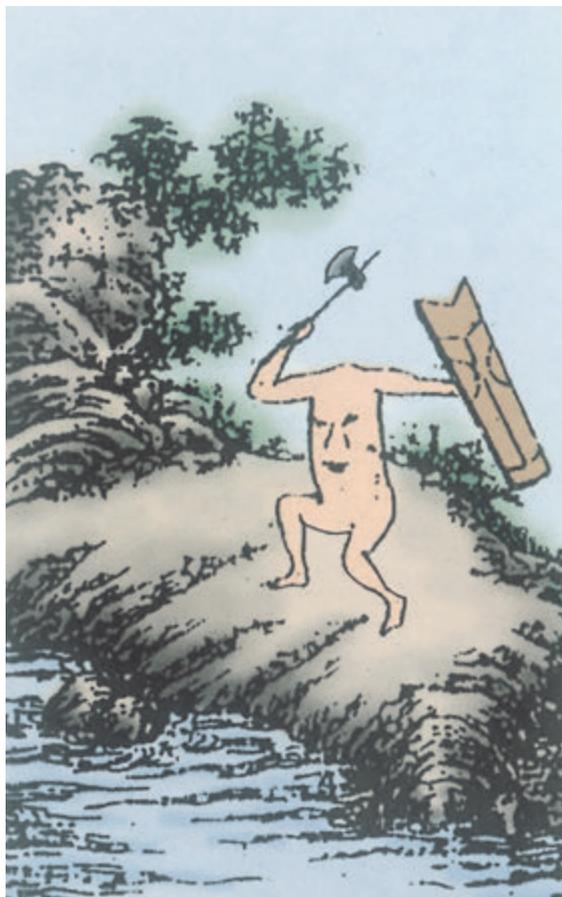
От этого зрелища Хуан-ди бросило в дрожь.

— Скорее, похорони его голову! — велел он Хоу-ту.

И Хоу-ту, соорудив могильный курган, похоронил голову Синтяня у подножия горы Чанъян.

Проплывали гонимые ветром облака, духи и призраки вернулись на гору Куньлунь вместе с Хуан-ди, но грохочущая гора Чанъян

по-прежнему оставалась полем боя, и безголовый Синтянь продолжал вести смертельный поединок. Случилось это в незапамятные времена, но поговаривают, что и по сей день от горы Чанъян, что на западной окраине мира, доносится скрежет топора о камень.

Синтянь

Фигура Синтяня уникальна, она имеется только в китайской мифологии. Герой, после отсечения головы нашедший ей замену на собственном теле, вырастивший глаза из сосков и рот из пупка, — до чего неординарный образ! Необычайно, но не абсурдно, фантасмагория, но не химера. В этой взаимозаменяемости функций человеческого тела отразилась идея бессмертия души.

Синтянь — один из древнейших героев китайских мифов, не побоявшийся выступить против всей мощи императора Хуан-ди. Продолжать бороться, даже будучи обезглавленным, — подобное состояние духа стало предметом преклонения ученых мужей и воителей Древнего Китая.

Боги олицетворяют желание человека покорить природу.

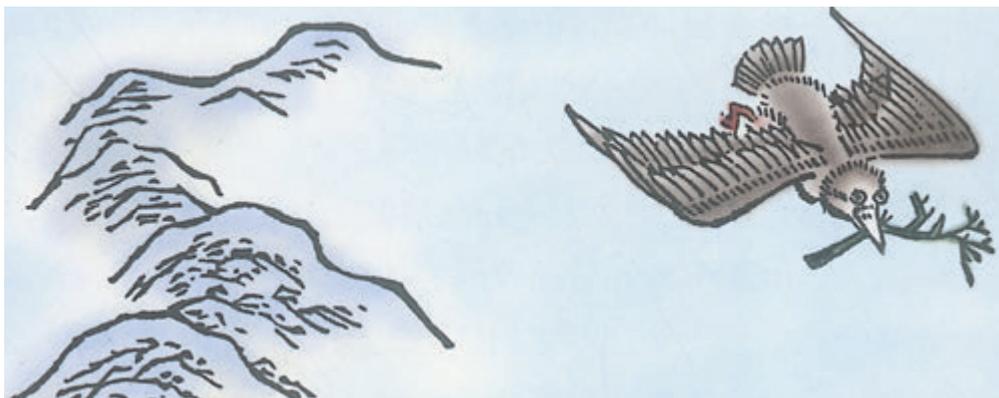
Герои воплощают надежды человека на собственные силы.

ЦЗИНВЭЙ ЗАСЫПАЕТ МОРЕ

Она была так прелестна, что даже полная луна укрывалась в тучах, посрамленная ее красотой. Она также была добра и, как и ее отец Янь-ди, полна любви к миру людей, а потому часто спускалась с небес на землю, чтобы порезвиться. Почему ее не называли богиней? Просто она была еще слишком мала и не успела к тому возрасту в полной мере обрести божественную сущность. Но все-таки она была дочерью небесного императора, и божественное умение летать было у нее врожденным.

Она всегда хотела научиться помогать людям так же, как и ее отец. Но к тому времени люди уже овладели множеством навыков, а в тех случаях, когда они действительно нуждались в помощи, ей не доставало мудрости и божественной силы. Однако это отнюдь не мешало девочке проявлять игривую натуру, и она, подобно своей бабушке Жэньсы, покидала небесные чертоги, чтобы насладиться очарованием земли. Журчание горных ручьев и дуновение ветерка в лесу, голоса зверей и щебетание птиц, громады скал и стремительный бег рек, сама жизнь, разлитая в воздухе, — все это звучало для нее будто музыка множества струн, перебираемых бесчисленными невидимыми руками.

Ее звали Нюйва, и она обещала вырасти горделивой небесной девушкой, на которую люди смотрели бы с восхищением. Она обожала море и при виде безбрежных зеленых волн ощущала себя еще более живой. Ей особенно нравилось гулять по волнам: так она чувствовала, словно волны гладят ее, и слышала их радостное пение. Девочка видела лишь нежность моря, и ей никогда не приходилось наблюдать, как исполинские водяные валы вздымаются до небес, пугая духов. Когда дочь небесного императора играла в море, разве нашлось бы хоть одно морское божество, которое не приказало бы морю унять свое буйство и явить улыбчивый лик? Но наивная малышка не подозревала

Цзинвэй. Художник Цзян Инхао (эпоха Мин)

о привилегиях, которые давало ее происхождение: она воображала, будто море всегда остается кротким и милым.

Эту загадку с незапамятных времен не смогли разгадать ни боги, ни люди. Неужели это черное дело сотворил Юй, бог Восточного моря? Если так, то зачем? Какое отношение к политическим играм Хуан-ди и Янь-ди имела маленькая Нюйва? Мог ли милостивый Хуан-ди простить морского бога, своего сына, увидев, как погибла его прекрасная племянница? Как бы то ни было, в тот день из глубин Восточного моря каким-то образом поднялась чудовищная волна.

Нюйва пришла к Восточному морю порезвиться. Море было спокойным, и тонкие волны трепыхались на ветру, словно пучки диких цветов в степи. Девочка шагнула в воду, подняв облачко брызг, и быстро побежала, чувствуя, как волны щекочут ей ноги. Она издала радостный смех, прозвучавший как голос самой природы.

Вдруг густые облака закрыли солнце, налетел шторм, и море внезапно вздыбилось, словно по мановению гигантской руки, — а затем ухнуло с высоты, подняв огромную волну, которая угрожающе устремилась к Нюйве. Бедняжка была так напугана этой неожиданностью, что не успела даже вскрикнуть, как жуткий вал безжалостно поглотил ее и утянул в пучину. Так отвратительное свирепо расправляется с прекрасным!

Ураган стих, волны улеглись, и море вновь вернуло свой чарующий облик.

Японское изображение Цзинвэй

Вдруг с поверхности моря раздался крик: «Цзинвэй! Цзинвэй!» В этом крике слышались горе и обида, удрученность, жажда жизни и сожаление о смерти. Его издавала птичка, похожая на ворону, с узорчатой головой, белым клювом и красными когтями. Порхая над темно-синей водной гладью, она то колотила крыльями по воде, то задирала голову высоко в небо.

То было воплощение души Нюйвы!

Поскольку в мире не было другой такой птицы, люди дали ей новое имя — птичка Цзинвэй.

Бог весть сколько раз пыталась Цзинвэй прорваться на небеса, воображая, что она может вернуться в свою обитель, словно богиня, свободно путешествующая между небом и землей. Но всякий раз она падала, не добившись успеха: она уже не могла вернуться, поскольку

отныне была лишь обычной птицей — настолько не примечательной, что даже отец не узнал ее. В бессилии она покинула Восточное море и отправилась на север, к материку.

Цзинвэй добралась до горы Фацзюшань, где брала свое начало река Чжаншуй. Гора не имела особой прелести, но на фоне величественных скал кругом выглядела очень уединенной. Повсюду на горе росли невысокие деревца кудрании, и их мягкие листья вызвали у Цзинвэй чувство уюта, поэтому она вспорхнула на ветку кудрании и примостилась там.

Наступила ночь, горы погрузились в тишину и серебристый лунный свет. Подул горный ветер, трогая листья кудраний, — и все деревья разом зашуршали, зашумели, словно бушующее море. Этот звук испугал Цзинвэй, она почувствовала себя очень одинокой и хотела заплакать — но ведь у птиц не бывает слез, и ей оставалось лишь чиркать на луну, призывая отца и мать. Печальный крик тут же терялся в шуме ветра, горло Цзинвэй охрипло. И в этот момент она наконец полностью осознала, что лишилась драгоценной жизни, потеряла свою девичью красоту, навсегда утратила беззаботное прошлое и надежды на будущее.

«О море, почему ты так жестоко? Любовь моя, за что ты так отплатила мне? Жизнь, отчего ты так хрупка? Красота, почему уродливое убивает тебя?» Но молчаливый ветер не ответил ей. Цзинвэй ощутила гнев, и жажда мести вдруг вспыхнула у нее в груди, подобно факелу!

С первыми рассветными лучами Цзинвэй, хлопая крыльями, выпорхнула из рощи кудраний. У подножия горы она подняла небольшой камешек и полетела к Восточному морю. Когда она добралась до моря, огромное красное солнце уже поднялось над водной гладью. Обратившись лицом к заре, Цзинвэй закричала, вложив в этот крик всю свою душу: «Отец, твоя дочь засыплет все Восточное море!»

Она раскрыла свой белый клювик и бросила в море первый камень возмездия. Камешек упал, вызвав легкую рябь, и море мягко втянуло его в свое лоно. Цзинвэй гордо подняла покрытую узором голову и полетела через Восточное море к западным горам, подхватила там веточку и, вернувшись обратно, тоже швырнула ее в море. Сучок упал в морскую пену и сгинул без следа.

Так день за днем, год за годом маленькая птичка с криком «Цзинвэй! Цзинвэй!» летала от Восточного моря в западные горы, набирала

там камни и ветки и вновь возвращалась, ведя свою мстительную работу. Как бы море ни глумилось над ее ничтожностью, она всякий раз отвечала победным щебетом.

Можно ли засыпать море веточками и булыжниками? Никто не поверит, что такой план мести может увенчаться успехом. Но люди, слушая трагическую историю Цзинвэй, думают во все не о бесплодности и бессмысленности ее труда — напротив, этот миф внушает им чувство надежды. Это происходит потому, что поведение Цзинвэй пробуждает в людях затаенное желание справедливости. Легенда о Цзинвэй стала классическим произведением китайской культуры, а ее образ — символом неуклонного самосовершенствования, решимости и твердости духа.

В западной мифологии существует художественный образ, аналогичный Цзинвэй, — Сизиф. За ложь и коварство боги приговорили Сизифа к тому, чтобы в загробном мире он вкатывал на вершину горы каменную глыбу. Всякий раз, когда камень достигал вершины, он тут же сваливался вниз, вынуждая Сизифа снова и снова повторять этот нескончаемый путь. Таким образом, «Сизифов труд» стал в западной культуре метафорой тщетных усилий и безграничных страданий.

Цзинвэй заполняла море при свете солнца, Сизиф катил свой камень среди подземного мрака, но с точки зрения культуры оба этих образа оказали влияние на духовную жизнь человечества. Цзинвэй — уникальная для китайской мифологии богиня. Ее смерть и трагическая история придают китайской мифологии еще более человеческий характер, поэтому этот сюжет знаком всякой семье. Мы верим в духовное родство всех людей и в то, что эта история, став известной во всем мире, обязательно тронет сердце каждого.

ИСТОРИИ О ГЕРОЯХ

КУА-ФУ ГОНИТСЯ ЗА СОЛНЦЕМ

После того как бог земли Хоу-ту стал помощником Хуан-ди, у него родился божественный сын Емин. Обстоятельства его появления на свет были необычными: перед этим он провел в утробе матери целых двенадцать лет. Это знаменовало зарождение самого времени. Когда Емин вырос могучим божеством, Хуан-ди поручил ему управлять ходом небесных тел и разделил порядок их движения на двенадцать отрезков⁸. С тех пор люди узнали, что такое время, а Емин стал богом времени.

Другой сын Хоу-ту, Синь, был божеством заурядным. Подметив, что боги, не преуспевшие в небесном мире, находят свой путь в мире земном, он также отправился на землю. Он женился на смертной девушке, и у него родился сын — великан Куа-фу, подарив Синю надежду на счастливую семейную жизнь.

Куа-фу должен был унаследовать и человеческие, и божественные черты. Однако он не обладал ни присущим богам умением летать, ни волшебной силой, поэтому был неспособен подняться на небеса и мог жить лишь на земле. Тем не менее он отличался от людей не только гигантским ростом и невероятной силой, но и причудливой внешностью: с ушей его свешивалась пара желтых змей, а еще две змеи приросли к рукам. Не было такого человеческого занятия, которое не удавалось бы ему: по собственному ли желанию, по просьбе ли других людей — с любыми делами он справлялся идеально.

Но боги и люди по натуре похожи: чем сильнее они становятся, тем больше хотят проявить себя; чем дальше растут их способности, тем больше желают раскрыть их. Куа-фу был все менее и менее доволен работой, которую он выполнял, в сердце его разрасталась тоска. Людские цели казались ему слишком ничтожными: чтобы добиться того, ради чего другие напрягали все силы, ему достаточно было лишь шевельнуть пальцем. Он жаждал великих свершений, которые потрясли бы мир

⁸ В Древнем Китае сутки делились на двенадцать временных промежутков (*шичэнь*) по два часа каждый. — Примеч. авт.

небожителей. Мысли его мало-помалу свелись к одной ограниченной сфере: ежедневно он думал лишь о том, чего бы сделать выдающегося. Он смотрел на небо и землю, на горы и реки — и, словно человек, который не может найти в прекрасном букете самый красивый цветок, не знал, к чему бы ему приложить свои умения.

Изображение Куа-фу, преследующего солнце. Художник Цзян Инхао (эпоха Мин)

В один из таких дней взгляд его остановился на солнце, которое висело в небе. От ослепительного света ему пришлось зажмуриться, и в обычный день это рассердило бы его — в целом мире одно лишь солнце могло заставить его брови сойтись на переносице. Но в тот момент оно будто бы стало для Куа-фу ключом от клетки, в которой были заточены его мысли. Его осенило: «Дядюшка Емин следит за движением солнца — так почему бы не посостязаться с солнцем в беге? Нужно обогнать солнце, добежать до долины Юйгу, где оно обычно опускается за горизонт, и встретить его там. Дядя Емин тоже будет стоять там в ожидании солнца — то-то он поразится, увидев мои способности!»

Солнце начало клониться к западу, двигаясь по небосводу в сторону долины Юйгу.

Куа-фу был человеком добрым и бесхитростным, но вместе с тем смелым и решительным. Недолго думая, он выпрямился во весь свой грозный рост и побежал на запад вслед за солнцем. Он бежал так стремительно, что ветер, стартовавший вместе с ним, вскоре отстал; ястреб, полетевший было с ним наравне, сломал крылья; олень, попытавшийся бежать рядом, сбил копыта. Горы склонялись перед ним, реки останавливались, леса расступались, пустыни давали ему дорогу.

Погоня Куа-фу за солнцем

Он относился к солнцу свысока: не видя позади себя тени, Куа-фу понимал, что бежит со скоростью светила. Сил у него было еще хоть отбавляй, и он был убежден, что сможет заставить тень оказаться впереди. Он не осознавал, что все это время находится под испепеляющими лучами солнца, высасывающими из него кровь.

Куа-фу захотел пить и внезапно ощутил усталость во всем теле. Он добежал до Хуанхэ и выпил ее, добрался до Вэйхэ и тоже выпил,

но даже всей воды двух могучих рек не хватило, чтобы утолить его жажду. Жажда заставила его свернуть на север к большому озеру Дацзэ.

Безбрежное озеро Дацзэ шириною в тысячу ли — лучшее место, чтобы напиться вдоволь. Куа-фу вырвал из земли огромное дерево, сделал из него дорожный посох и вновь побежал, поглядывая на солнце. Увидев, что тень теперь появилась на востоке, Куа-фу понял, что солнце опередило его. Он пришел в ярость, но по-прежнему был уверен в себе.

«Эй, солнце, не очень-то зазнавайся, — ревел Куа-фу. — Теперь, выпив озеро, я обгону тебя и буду ждать на финише».

«Дядя, не смейся, — твердил Куа-фу, — я понаблюдаю за заходом солнца вместе с тобой».

«Отец, ты не разочаруешься во мне, — бормотал Куа-фу. — Я посвящу свою величайшую победу тебе».

Но солнце уже иссушило кровь Куа-фу, и у него больше не было сил, чтобы вернуться к озеру Дацзэ. Оставив мысли об озерной воде, он оперся на посох и, тяжело дыша, с трудом зашагал в направлении заката. Куа-фу не верил в поражение: пока он обеими ногами стоит на земле — он победит.

Однако душа Куа-фу улетела в загробный мир. Рука его разжалась, выронив посох, и исполинское тело гулко рухнуло на землю, подобно утесу, подняв пыль до небес. И в эту минуту случилось чудо! Посох, который выпал из ладони Куа-фу, превратился в персиковый лес. Когда пыль осела, взору людей предстало море нежно-зеленых крон.

Крепкий и буйный, словно сам дух Куа-фу, лес с освежающим ветерком, прохладной тенью и сладким соком плодов — вот что осталось в наследство людям.

Влияние этого мифа на китайскую культуру прослеживается хотя бы в том, что в китайском языке появилась идиома «Куа-фу преследует солнце». Однако с древних времен существуют два разных подхода к моральному содержанию данной истории. Один из них утверждает, что Куа-фу самонадеянно переоценил свои силы; согласно другому, этот сюжет выражает твердую решимость человека к покорению природы. Даже в первоисточнике данного мифа, «Книге гор и морей»⁹, личность Куа-фу оценивается противоречиво.

⁹ Самое древнее литературное произведение Китая. — Примеч. авт.

Сегодня человечество находится на пике своего развития, и с высоты накопленного и тысячекратно отшлифованного культурного багажа люди могут более точно и беспристрастно исследовать классические произведения многовековой давности. То, что посох Куа-фу перед его смертью превратился в персиковую рошу, свидетельствует о добросердечности великана и придает его погоне за солнцем более созидательный смысл. Непосредственный вывод, который мы можем почерпнуть из мифа о Куа-фу, — желание человека подчинить природу, однако в философском отношении он интерпретирует природу человеческого стремления к свету.

В греческой мифологии тоже есть множество легенд о гигантах, которые, как и Куа-фу, являются потомками великих богов, но обитают на нижней ступени иерархии божественного мира. «Гигантомахия» — предания о великанах, стремившихся к свету и бросивших вызов богам-олимпийцам, оказали значительное влияние на западное классическое искусство.

Стремление к свету — самое искреннее и безыскусное чувство, которое люди при помощи мифов пронесли сквозь века из древности до наших дней.

ГУНЬ ПОХИЩАЕТ ЗЕМЛЮ

С началом борьбы за господство над миром божеств эра безмятежной жизни человечества прервалась, и даже то, что Вселенная объединилась под властью Хуан-ди, не помешало людскому злу множиться и распространяться. Люди стали жить богаче и сытнее, но дух их обнищал, и это огорчало Хуан-ди и вызывало у него ностальгию по эпохе мирного и добродетельного бытия. Он хотел, чтобы человечество вернулось к прежним временам, но люди давно уже отбросили нравственность, словно ненужный мусор. Вражда, обман, недоверие, ненависть и убийства охватили всю землю

— Прекратите свое безобразное поведение, — сказал Хуан-ди, — вернитесь к истокам, когда вы были друг другу как братья!

— Нет, — возразили люди, — в ту эпоху мы жили аскетично.

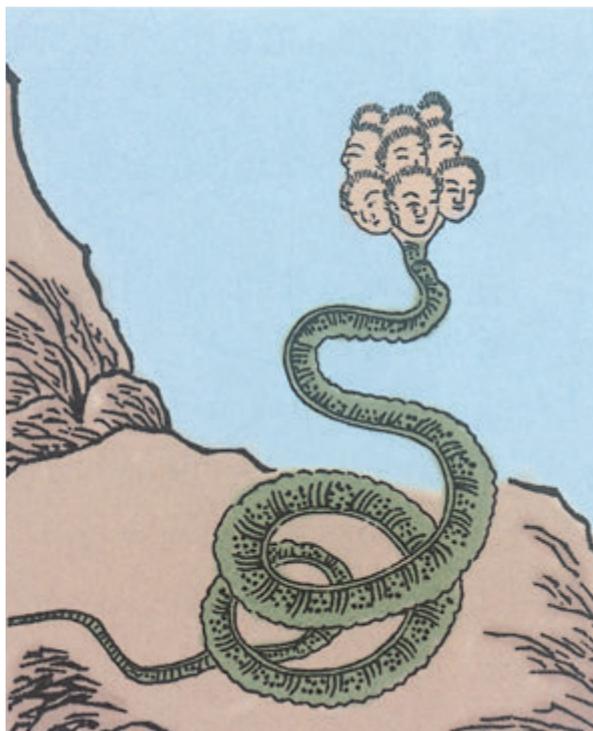
— Разве для того Нюйва создала вас, чтобы вы враждовали меж собой?

— Ну а кто в этом виноват? Разве меньше распри происходит на небесах? — отмахнулись люди. Хуан-ди разгневался, призвал к себе водяное божество Гунгуна и велел:

— Ступай, покарай людей потопом за их злодеяния!

К тому времени Хуан-ди уже простил Гунгуну повреждение горы Бучжоу и позволил ему остаться на посту бога воды. Не винил он Гунгуна и за то, что тот сражался на стороне Янь-ди в войне за престол: то было внутреннее дело рода Шэньнуна, и Хуан-ди не собирался углубляться в него. Однако Гунгун отнюдь не испытывал благодарности и в сердце своем затаил злобу за поражение при Баньцюане. Приказ Хуан-ди привел его в восторг, потому что разрушение земли было лучшим способом отомстить ему: ведь люди возненавидят небесного владыку.

Гунгун, прихватив с собой водное чудовище Сяню, отправился на землю, чтобы начать наводнение. У безобразного и злобного Сяню

Сяню

было девять человеческих голов и змеиное тело; куда бы он ни дыхнул, все превращалось в болото, и от терпкой вони ни звери, ни птицы не могли больше жить на этом месте.

Повинуясь приказу Хуан-ди, на подмогу Гунгуну явились бог дождя Юй-ши и повелитель ветров Фэнбо. Тотчас же ливень хлынул как из ведра, реки и озера вышли из берегов, волны вздыбились, и вода устремилась во все стороны. В то время ущелье Драконовы врата еще не образовалось, гора Люйляншань еще не успела расколоться, и русло Хуанхэ было заперто наглухо, а Янцзы и Хуайхэ слились воедино и расплескались до самого горизонта. Люди, вопя от ужаса, наперегонки бежали в горы в поисках убежища, а некоторые карабкались на высокие деревья. Но вскоре и горы были затоплены, деревья снесло бурным потоком, и в воде повсюду плавали человеческие трупы.

«О небесный владыка, спаси нас, останови потоп!» — горестно кричали люди на горных вершинах. Услыхав это, Гунгун поднял водяные

валы еще выше, заставил дождь лить еще яростнее, и вопли вскоре стихли за шумом волн.

Упрямство людей оскорбило достоинство императора Вселенной, но все-таки наказание со стороны Хуан-ди было чересчур жестоким. Возможно, небожители, ставшие свидетелями страшной трагедии, разделяли негодование Хуан-ди, а быть может, сами опасались его гнева, но никто из них не выразил сочувствия людям. Пред лицом власти и могущества хвалебные возгласы всегда звучат громче гонгов и барабанов, а слова возражения еле слышны. Тем не менее среди божеств нашелся тот, кого тронули людские стенания. То был Гунь, внук Хуан-ди, бог добрый и отважный. Однако вместо того чтобы выразить свою скорбь при всех, он отправился к деду, дабы заступиться за человечество лично.

— Дедушка, прошу, прикажи остановить наводнение. Люди уже и так стоят на последних оставшихся клочках земли.

— Они не послушались моих уговоров и продолжили творить зло и хулить богов. Теперь они должны быть наказаны, — равнодушно ответил Хуан-ди.

— Но доброго и прекрасного на земле все-таки больше, чем дурного и уродливого. Неужели ты, мудрый император Вселенной, не понимаешь этого?

— Как ты смеешь так со мной разговаривать? — возмутился Хуан-ди. — Ступай и займись своими делами, а участь людей предоставь решать мне!

Отступив перед гневом Хуан-ди, Гунь вышел из покоев. Мрачные картины земного опустошения не покидали его разум, и он не мог смириться и в бездействии наблюдать за гибелью человечества. Но, хоть Гунь и был внуком небесного владыки, он не мог похвастаться ни особым могуществом, ни выдающимися достижениями. Как же ему спасти людей? На самом деле еще при встрече с дедом у него в голове родился ответ: в потайной комнатке у Хуан-ди хранилось величайшее сокровище — кусочек волшебной земли. Стоило рассыпать ее, как она тут же начинала безостановочно увеличиваться в объеме. Если кинуть щепотку такой земли в воду, то вырастет высокая насыпь, воздвигнется широкая дамба, и поток упрется в нее. Гунь хотел было поделиться этой идеей с дедом, но теперь, когда тот был глух к доводам разума, приходилось действовать иначе.

Извятие Гуня, подвергнутого наказанию

И он решился на отчаянный шаг: похитить чудодейственную почву и принести ее на землю во имя спасения людей. Украсть волшебную вещь — в царстве богов преступление непростительное. Гунгун, расколов гору Бучжоу и сдвинув небо и землю, избежал казни только потому, что его проступок вызвал смятение лишь в земном мире, не затронув основ мира божественного. Похитить же святыню было бы величайшим предательством, равносильным измене Хуан-ди, и всякого, кто поступил бы так, ждала неминуемая смерть. Но Гуню было уже все равно.

Для него, внука императора Вселенной, в небесном дворце не существовало закрытых дверей. Он выкрал волшебную почву и отправился на землю. Даже не переведя дух, он отыскал взглядом самый пик громадной волны и без промедления полетел над водой по направлению к нему. Оказавшись над тем местом, где вода бурлила и бесновалась

Чжулун

сильнее всего, он высыпал туда пригоршню магической почвы. Тут же, по мановению его руки, прямо из волн поднялась плотина, и вал разбился о нее; посреди бескрайнего океана выросла твердая земля, и наводнение отступило.

С ликующими криками люди сбегали с гор и радостно кувыркалились и прыгали на вновь показавшейся земле, празднуя свое второе рождение. Они еще не знали, что своим спасением обязаны Гуню, и возносили хвалы Хуан-ди, благодаря его за милосердие.

Сяню первым обнаружил неладное и наблюдал за тем, что делает Гунь.

— Какая-то удивительная вещь! Если ее бросить в воду, она создает плотины и запруды, — доложил он Гунгуну.

Гунгун захохотал, и за этим весельем слышалось злорадство.

Чжулун

— Это волшебная земля, самая большая драгоценность Хуан-ди. Гунь наверняка украл ее, иначе Хуан-ди сам отдал бы нам приказ прекратить наводнение. Гунь должен умереть!

Гунгун поспешил во дворец верховного правителя.

— Владыка, — изобразил он неведение, — Гунь уже усмирил потоп волшебной землей, моя миссия закончена.

Хуан-ди не изменился в лице, услышав эту поразительную весть: на то он и был небесным императором, чтобы не верить всякому сказанному слову без доказательств.

— Я не приказывал остановить наводнение. С какой бы стати Гуню являться на землю с магической почвой?

— Но Гунь уже остановил ею потоп!

Это поколебало уверенность Хуан-ди, и он приказал Хоу-ту проведать, на месте ли чудесная земля. Правда быстро раскрылась, и Хуан-ди впал в такую неописуемую ярость, что мир содрогнулся. Грозно рыча, он стал выкрикивать приказы: богу огня Чжужуну — найти и убить Гуня, богу земли Хоу-ту — забрать обратно чудотворную почву, богу воды Гунгуну — возобновить наводнение. Возвращение земли входило в обязанности Хоу-ту как земного божества, а вот умертвить Гуня Хуан-ди поручил Чжужуну из опасений, что кто-нибудь из его собственных родичей отпустит преступника — точно так же, как в свое время Чжужун у горы Бучжоу позволил Гунгуну уйти. Хуан-ди был убежден, что Чжужун, с которым они когда-то враждовали,

не пощадит его внука. Гунь должен был умереть: ведь разве потомок, предавший тебя, не отвратительнее самого злейшего врага?

Когда Чжужун, Гунгун и Хоу-ту прибыли на землю, люди невольно задались вопросом, как же все-таки закончилась битва при Баньцюане, раз потомки проигравшего Шэньнуна преследуют внука победителя Сюаньюаня. Так всем стало ясно, что Хуан-ди бесповоротно вознамерился уничтожить Гуня.

Гунь не стал сопротивляться могучему Чжужуну, понимая, что в любом случае будет схвачен. Хоу-ту изъял волшебную почву, и потоп, усиленный Гунгуном, вновь захлестнул всю землю. Гунь видел крушение своей заветной мечты о спасении человечества, и сердце его разрывалось от скорби.

Чжужун привел Гуня на гору Юйшань, что на самом-самом крайнем севере земли, на границе мира живых и загробного царства. Здесь круглый год не было видно солнца, царил мрак и стояли трескучие морозы. Единственный лучик света, который проникал сюда, исходил из ущелья Яньмэнь на южной стороне горы — от свечи, которую держал в пасти дракон Чжулун.

Гора Юйшань не была затоплена, но Гунь слышал, как волны ударяются о скалы.

Гора Юйшань была необитаема, но Гунь слышал, как люди, плача и стелая, толпами бегут к ней в поисках спасения.

Горькие слезы полились из его глаз и тут же замерзли на холодном горном ветру, словно ледяные жемчужины.

И рухнул Гунь без чувств на вершине горы.

Узнав историю о похищении Гунем волшебной земли, читатели, знакомые с греческой мифологией, не могут не вспомнить о великом Прометее. Прометей украл для людей огонь с небес, и Зевс жестоко отомстил ему, приковав к скале в далеких и безлюдных Кавказских горах. Каждый день свирепый орел клевал печень Прометейя, заставляя его бесконечно страдать. Судьба Гуня, в свою очередь, сама по себе звучит героическим гимном мужеству и стойкости.

И огонь, и земля в этих легендах несли жизнь людям, но смерть — тем, кто их украл. Святые люди при выборе между

возвышенными стремлениями и собственной жизнью принимают решение в пользу первых. А что же может быть выше, чем желание спасти род человеческий? И Гунь, и Прометей — великие святые.

На противоположных концах мира люди создали два схожих по своей морали мифа, поражающих своим трагизмом, и тем самым завещали человечеству, вооружившись силой духа мучеников, прокладывать новые жизненные пути.

ВЕЛИКИЙ ЮЙ УКРОЩАЕТ ВОДУ

После того как Гунь погиб на горе Юйшань, его тело оставалось нетленным целых три года. Его дух дал начало новой жизни — божеству, которое продолжило бы его незавершенное дело.

Три года спустя мрачную гору Юйшань огласил могучий крик, вспыхнул яркий белый свет. Живот Гуня разверзся, и оттуда вылез великий бог. Так был рожден Юй!

Покинув темную вершину Юйшань, Юй, подобно всем великим божествам, взмыл высоко в небеса и пролетел сквозь небесные врата, дабы представиться верховному правителю. Сила божественной мысли вездесуща, и Юй, появившись из живота Гуня, уже знал и о поручении, которое дал ему отец, и о своем происхождении, и о том, что верховный император всей Вселенной — его прадед. А еще Юй был хитрее, чем Гунь: он понимал, что гораздо действеннее будет переубедить прадеда, чем пытаться идти против его воли.

Когда Юй предстал перед Хуан-ди, в груди последнего что-то шевельнулось. Он вдруг вспомнил о своем внуке Шао-хао и о правнучке Чжуань-сюе: до чего же Юй похож на них! Умный, сильный, спокойный, щедрый, смелый, честный и скромный — он воплощал в себе все достоинства небесного императора. Неужели стать великим можно, лишь родившись в невзгодах? Хуан-ди улыбнулся, и было видно, что он доволен. Казалось, он забыл о страданиях, которые доставил ему Гунь.

— Скажи, что я могу для тебя сделать? — спросил Хуан-ди.

— Я хочу усмирить потоп на земле, — без колебаний ответил Юй.

— Разве ты не знаешь, что твой отец из-за этого и погиб? — улыбка враз пропала с губ Хуан-ди.

Юй нимало не испугался:

— Как же мне не знать? Но раз уж люди пришли на землю, они не должны исчезнуть. Земля, с которой исчезли все деревья и цветы,

Скульптура Юя (эпоха Хань)

потеряет свою прелесть. Но если сгинут люди, земля лишится самой души. А если земля лишится души, то какой смысл в правлении богов?

Уголки рта грозного императора задрожали, и внезапно Хуан-ди разразился хохотом. Доводы Юя угодили в самую точку. Впрочем, после смерти Гуня Хуан-ди сам постепенно осознал эту истину. Теперь он мог спокойно позволить Юю завершить великое дело и остановить наводнение.

— Иди, дитя мое, пусть потоп отступит, пусть люди возродятся, и пусть земля снова наполнится добротой и радостью!

Хуан-ди вверил Юю отважного дракона Инлуна и кусочек волшебной земли. Юй понял, что никто больше не помешает ему остановить потоп, и, оседлав дракона и взяв пригоршню почвы, отправился на землю.

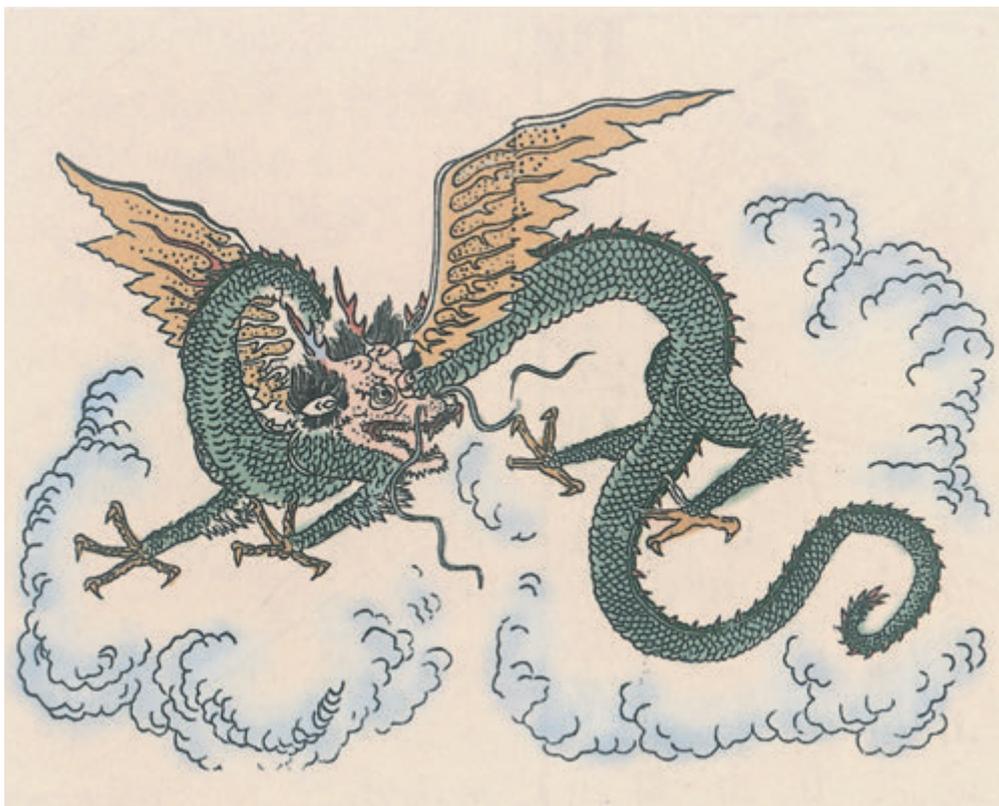
Увидав громадные волны, Юй первым делом велел Гунгуну утихомирить их. Однако настоящей причиной, по которой Гунгун устроил

Девятиглавый змеелюд (эпоха Цин)

потоп, была месть за поражение при Баньцюане. Он несказанно радовался при виде наводнения и гибели Гуня на горе Юйшань и уже предвкушал скорый конец правления Сюаньюаня. Гунгун никак не рассчитывал, что перед ним появится сын Гуня, да еще и с приказом от Хуан-ди, и это привело его в бешенство. Он не мог допустить, чтобы плоды его трехлетних усилий в одночасье лопнули, словно пузырь: он вздыбил волны еще выше и вдобавок приказал Сянлю направить океан на те горные кряжи, что еще уцелели в глубине материка. Тогда Юй при помощи волшебной земли преградил путь морю, выпустил дракона и бросился биться с Гунгуном и Сянлю.

Гунгун не ожидал, что у Сюаньюаня есть столь могучий правнук, и вскоре отчаялся и утратил способность к сопротивлению. Он скрылся под водой и бежал восвояси. Юй обезглавил Сянлю, головы чудовища упали на землю, во все стороны потекла вонючая кровь, и ни одна

Крылатый дракон Инлун. Художник Цзян Инхао (эпоха Мин)

трава больше не могла расти на том месте. Даже при жизни его дыхание превращало целые равнины в болота, а уж после его гибели началось целое бедствие. Трижды Юй сбрасывал на это место волшебную землю, и трижды она осыпалась. Юю ничего не оставалось, кроме как выкопать огромный водоем, куда стеклась вся вода. Впоследствии, когда наводнение было побеждено, небесные владыки всех сторон света соорудили поверх него высокую террасу, и лишь тогда порочный дух Сяню прекратил отравлять землю.

Когда Гунь похитил магическую землю, он не знал точно, как бороться с наводнением, в спешке возводил плотины там и сям. Ему временно удалось сдержать напор волн, но когда после его смерти Гунгун вновь принялся затоплять мир, то эти же запруды стали препятствовать сливу воды. Кроме того, теперь бог воды сбежал, никто больше не знал

направления течений, и обуздать стихию стало сложнее.

Юй принялся объезжать землю верхом на драконе: он хотел сперва изучить направление потоков, чтобы затем обеспечить воде свободный сток в океан и прекратить потоп. В тот день, когда он исследовал течение Хуанхэ, вода вдруг забурлила, и из волн поднялся высокий-превысокий человек с белым лицом и рыбьим телом. Медленной поступью выбравшись на берег, он подошел к Юю с каким-то свитком в руках и почтительно сказал: «Меня зовут Хэбо». Молвив так, он протянул Юю свиток, развернулся и прыгнул обратно в реку.

Юй развернул свиток, и глаза его загорелись от восторга: то была карта всех течений Поднебесной!

Имея карту, можно было задать воде направление.

Юй принялся за работу. Доблестный дракон Инлун стал его авангардом в борьбе с наводнением: двигаясь перед Юем, дракон сверялся с картой и чертил на земле своим огромным хвостом русла рек, открывая воде свободный проход. Позади Юя двигалась гигантская черепаха, на спине которой лежала волшебная земля. Зачерпывая землю, Юй создавал ущелья и каньоны, насыпал плодородные почвы, прокладывая береговые линии. Мало-помалу потоп начал отступать.

Ведомые Инлуном воды Хуанхэ дотекли до места, которое позднее прозвали Драконьими вратами — Лунмэнь, и уперлись в скалу. Эта скала стояла вплотную к горе Люлянь, и когда Гунгун устраивал разлив вод, то именно здесь волны, не найдя выхода, с силой потекли обратно и образовали океан, который затопил и плодородные равнины,

Юй приказывает принести жертвы божеству священной горы Сиюэ

и холмы, и горы. Юй и Инлун, объединив свои божественные силы, прорубились сквозь камень. С ужасающим грохотом вершина горы раскололась, и на пути реки вмиг образовалось ущелье, будто распахнутые настезь ворота. Дракон, извиваясь, пролетел сквозь теснину — а вслед за ним, словно вырвавшийся из клетки дикий зверь, с рокотом устремилась вода. С тех пор этот каньон называют Драконьими воротами. Речные воды низвергаются сквозь Драконьи врата, подобно ливню, и волны вздымаются едва ли не до краев ущелья. Крупные карпы, у которых хватало на это духу, доплывали против течения до Драконьих врат, а затем, напрягши все силы, перескакивали через водопад — ибо течение в этом месте столь бурное, что переплыть его невозможно, а можно лишь перепрыгнуть. И стоило рыбе преодолеть ущелье, как она превращалась в дракона. Так Драконьи врата стали заветной целью всех рыб — морских, озерных и речных.

Отведя воды Хуанхэ еще на несколько сотен ли, Инлун вновь наткнулся на утес. Юй расщепил его в трех местах, образовав как бы трое ворот, и речное русло здесь разделилось на три. Это место прозвали Ущельем трех ворот — Саньмэнься. Миновав его, воды Хуанхэ неудержимо понеслись к самому Восточному морю.

Через некоторое время наводнение спало, и люди постепенно вернулись с гор на равнины и взялись за восстановление своих домов. Они были признательны Юю за усмирение воды, повсюду славили его и приносили ему жертвы. Конечно, не был он обделен и женской любовью: какая же девушка не хочет выйти замуж за героя?

Так родилась первая великая история любви с момента появления человечества.

Жила на горе Тушань девушка по имени Нюйцзяо, пригожая и изящная. Она с давних пор благоговела перед Юем, и, узнав, что его путь во время укрощения стихии будет проходить через Тушань, вышла на дорогу вместе с другими людьми, прослышавшими о приближении Юя. Многие желали поглазеть на благородную внешность Юя, но Нюйцзяо верила, что Юй заметит ее саму, ведь даже среди огромной толпы ее красота и манеры выделялись, словно солнце на небосводе, и притягивали всеобщее внимание. И действительно, едва Юй в спешке прибыл издалека, как его взор тут же остановился на прекрасной и грациозной девушке. Две пары глаз встретились, и в тот же миг вспыхнула искра

любви. Однако Юю нужно было торопиться на юг, чтобы разделаться с наводнением, и у него не было времени побеседовать с Нюйцзяо, поэтому он, обменявшись с ней взглядами, двинулся дальше.

Изображение государя Юя

Нюйцзяо сумела прочесть любовное чувство во взгляде Юя и, когда он отбыл в путь, послала служанку на южный склон горы Тушань ожидать его возвращения. Но Юй хлопотал и хлопотал в дальних краях, опустошенных наводнением, — разве мог он с легким сердцем вернуться на Тушань? Однако любовь упряма и терпелива, и, хотя молодые люди не успели переброситься ни единым словом, хотя они лишь встретились

взглядами, хотя от Юя не осталось и тени, Нюйцзяо по-прежнему год за годом ждала его. Томясь и тоскуя, она сложила песню, где были такие строки:

*О тот, кого жду я всем сердцем!
Отчего тебя долго так нет?*

Наконец Юй вернулся, и служанка заметила его. Но Юй не знал о чувствах Нюйцзяо и, в спешке прибыв, уже собирался так же быстро уехать. Служанка остановила его и рассказала о любви своей госпожи и о ее ожидании. Юй был поражен внезапной радостью: все эти годы он хранил прелестный и ласковый взгляд Нюйцзяо в глубине своего сердца, и это помогало ему легче переносить усталость от изнурительной борьбы с потопом. Снова оказавшись на Тушани, он, разумеется, хотел увидеть эту прекрасную девушку, но ведь в прошлый раз он даже не заговорил с ней — где теперь искать ее? Узнав же, что Нюйцзяо влюблена в него, он немедленно прервал свой путь на север.

Какая трогательная любовь!

Здесь, на горе Тушань, Юй и Нюйцзяо сыграли свадьбу.

Церемония была чрезвычайно скромной. Поскольку наводнение еще не полностью отступило и Юй еще не выполнил миссию, которую поручил ему прадед Хуан-ди, всего лишь через четыре дня после свадьбы молодожен отбыл на север. В последующие дни Юй, занятый обузданием потопа, еще трижды проходил мимо дома жены на горе Тушань, но не заглядывал внутрь. Поспешное прощание с Нюйцзяо было болезненным, но терзания, которые доставляла человечеству разрушительная стихия, были еще горше.

С упорством и решимостью расчистил Юй дорогу великой реке Хуанхэ, углубил русла бесчисленного числа других рек, избавив их от застоя и уведя воды потопа в море. Используя волшебную землю, он также засыпал множество опасных омутов, болот и топей, сотворил немало прославленных гор. Водный катаклизм наконец-то был побежден, на земле установился такой же порядок, каким он был после починки неба Нюйвой, и люди принялись трудиться, обустроивая свою жизнь.

Выполнив задание Хуан-ди, Юй совершил еще одно большое дело. Размеры земли никем не измерялись с того самого момента, как Паньгу

отделил ее от неба, и когда Юй смотрел на карту речных течений, он не знал масштабов и расстояний и тратил много сил и времени впустую. Поэтому он задумал определить, насколько велика земля. Эту тяжелую работу он поручил двум божествам — знаменитым скороходам Тайчжану и Шухаю. Тайчжан двинулся с востока на запад и насчитал двести миллионов тридцать три тысячи пятьсот ли и семьдесят пять шагов; Шухай отправился с севера на юг и прошел ровно столько же. Протяженность земли была во всех направлениях одинаковой, и мир оставался таким же, как и во времена Паньгу, — круглое небо, квадратная земля.

Вполне естественно, что столь великий бог стал правителем всего человечества.

Потомки уважительно прозвали его Юем Великим.

В древних китайских книгах Юй фигурирует как мифический персонаж, но его влияние никоим образом не ограничивается мифами. Как и в случае с Янь-ди и Хуан-ди, ученые обнаружили в легендах признаки его историчности, а его бесстрашие и бескорыстие в помощи людям и твердое стремление усмирить потоп по сей день остаются для китайского народа предметом почитания.

Возможно, в этой истории вас больше заинтересовал потоп, поскольку вы уже подметили, что и на Западе, и на Востоке существуют легенды о губительных для человечества наводнениях. Библейское предание о Ноевом ковчеге раскрывает эту тему целостно и детально, в характерных традициях западной

Юй посылает дары богине Сиванму
(эпоха Мин)

культуры. Легенда об укрощении воды Юем, в свою очередь, несет в себе колорит Востока, поскольку единство человека и природы — древнейшая из возникших в Китае философских концепций. Юй является олицетворением этой идеи: он бог — и в то же время герой, он обладает сверхъестественной силой — но в то же время, как обычный человек, напрягается, стараясь одолеть потоп.

Сказания о Великом потопе вовсе не означают, что человечество и в самом деле когда-либо сталкивалось со всемирной катастрофой: они скорее отражают взаимоотношения человека и воды. Вода питает жизнь — и вместе с тем несет угрозу жизни; человек — раб воды, и он же — господин, которого вода не выбирала.

СТРЕЛОК ХОУ И СБИВАЕТ ДЕВЯТЬ СОЛНЦ И ОДОЛЕВАЕТ ШЕСТЬ ЧУДОВИЩ

Боги, о которых пойдет речь в этой истории, относятся к другой мифологической системе — отличной от той, где господствуют Хуан-ди и Янь-ди. В этих богов верили люди эпохи Шан 3100 лет назад, тогда как Хуан-ди был божеством китайцев эпохи Чжоу, пришедшей на смену Шан. В эпоху Чжоу был заложен фундамент китайской культуры, а Хуан-ди стал величайшим богом китайского пантеона.

У небесного императора Ди-цзюня было десять солнечных сыновей от богини солнца Сихэ и двенадцать лунных дочерей от богини луны Чанси. Дочери всегда были покладисты, а сыновья непослушны, и хотя обе матери изо всех сил опекали и тех, и других, сыновья чаще попадали во всякие неприятности. Если на ночном небе окажутся двенадцать лун, все разве что изумятся зрелищу; однако если над землей поднимутся десять солнц, весь мир будет разрушен. Поэтому и солнца, и луны выбирались на небосвод трудиться поочередно и под родительским присмотром.

В Восточном море есть долина Янгу, где растет громадное дерево *фусан*. В высоту оно достигает нескольких тысяч чжанов, а в толщину — тысячи обхватов¹⁰. На этом дереве и обитали десять сыновей Сихэ. Янгу — место восхода солнца, а также его купальня. У дерева фусан десять ветвей — девять внизу, одна ближе к верхушке — и на каждой жило по одному солнцу. Каждый день то из солнц, которое находилось наверху, выходило на небо работать, а остальные смещались на одну ветку выше. Таков был порядок их дежурства, и в небесах всегда находилось единственное солнце.

Сихэ была матерью неутомимой и заботливой: каждое утро она садилась в колесницу, запряженную шестеркой драконов, и ожидала

¹⁰ Один обхват — 5 цуней, примерно 16,65 см.

в долине Янгу того из сыновей, кто сидел на самой высокой ветке. Солнце садилось в колесницу, и новый день начинался. Сихэ, поднимаясь из долины Янгу, двигалась по небосводу к долине Юйгу, что на западе, описывая круг. Так и было все устроено.

Сихэ

Но в один прекрасный день десять избалованных детей Сихэ вышли из повиновения: они все разом высыпали на небо и, как бы мать их ни упрасивала, отказались садиться в колесницу и проделывать привычный путь. Весело резвились шаловливые и своенравные солнца. Им было невдомек, что такое ответственность, и они с любопытством наблюдали, как от ослепительных лучей, исходящих из их тел, земля

покрывается трещинами, высыхают реки, сгорает трава, увядают посевы. Где им было думать о том, что их забавы так же губительны для человечества, как раскол неба во времена Нюйвы?

Небо треснуло, и ядовитые твари, кровожадные звери, свирепые птицы и черные драконы, высыпав наружу, принялись бесчинствовать. Вслед за десятью солнцами явились и шесть чудовищ-людоедов: Яюй, Цзочи, Цзюин, Башэ, Дафэн и Фэнси. Без посевов у людей не стало пищи, и сами они, в свою очередь, превратились в добычу хищников. И в городах, и в деревнях вдоль обочин дорог лежали иссохшие трупы умерших от голода. Под палящим зноем людям оставалось уповать лишь на помощь небесного владыки, и они, падая на колени и заливаясь слезами, молили небо вновь оставить лишь одно солнце.

Сихэ и десять солнц. Художник Ван Фу (эпоха Цин)

Стоны, доносившиеся с земли, сотрясали небеса, и владыка Дицзюнь был в смятении. Как и всякий отец, он любил своих детей, не сердился на их шалости и не исправил вовремя их ошибки — пока наконец не осознал, сколь серьезным и пагубным был их проступок. Небесный император, потерявший сердца людей, утратит и поддержку богов. Долго ли он сможет после этого управлять Вселенной?

И Ди-цзюнь послал духов привести к нему во дворец Хоу И, дабы тот решил проблему с десятью солнцами. Хоу И был полубогом-получеловеком и славился невероятным мастерством стрельбы из лука: даже легкокрылая птичка в полете не могла бы избежать его разящей стрелы. В сознании людей Хоу И ассоциировался с луком так же прочно, как Паньгу — с небом и землей. Тем не менее он не был божеством: бог небесный и без всяких стрел может поймать птицу. Почему же небесный император не поручил наказание солнц какому-нибудь божеству? Вероятно, дело было в самолюбии Ди-цзюня: он не мог допустить, чтобы кто-то из богов причинил вред его детям.

Ди-цзюнь вручил Хоу И красный лук и колчан стрел с белым оперением.

— Хоу И, ступай и накажи моих сыновей, которые попрали законы небес, — велел Ди-цзюнь. — Покарай также и злобных монстров: они истребляют людей, и нет им прощенья.

Хоу И мечтал стать небожителем и увидел в повелении небесного властителя свой шанс. Он с волнением принял лук и стрелы:

— Владыка, я повинуюсь и не подведу тебя.

Когда духи доставили Хоу И на землю, люди восторженно приветствовали его. Сжимая оружие, он объявил людям о чистосердечном желании небесного императора помочь им:

— Ди-цзюнь дал мне этот лук и эти стрелы, чтобы я наказал солнца!

От столь великого человеколюбия небесного владыки у всех навернулись слезы.

— Как ты накажешь солнца? — хором спросили люди.

— Без малейшей жалости!

Люди вновь были тронуты до слез и вместе с тем обрадованы.

— Тогда поспеши, у нас уже нет сил терпеть!

О храбрый и простодушный Хоу И! Он не уловил тонкого намека в словах Ди-цзюня. Негодование людей отпечаталось в его разуме сильнее, чем лукавство небесного императора, и он решил предать солнца смерти. Твердо встав на земле, он, сопровождаемый вниманием тысяч глаз, поднял голову, до предела согнул лук, подобно серпу луны, и прицелился. Запела тетива, и стрела, словно молния, поразила одно из солнц. Солнце вспыхнуло с громким треском, разлетевшись на четыре сверкающих огненных сполоха, и по мере того, как звук

слабел, те обернулись золотистыми перьями и поплыли по воздуху. Меж перьями показался большой и яркий золотой объект и быстро направился к земле. Снова оглушительный грохот — и объект приземлился.

Толпа с криками понеслась к рухнувшему предмету, но, едва добыв до него, застыла от изумления: то был трехлапый золотой ворон с торчавшей в груди стрелой! Оказалось, дух солнца был вороном; не удивительно, что они обитали на дереве.

Успех придавал Хоу И уверенности, и он, мощно натянув лук, одну за другой выпустил восемь стрел.

Несчастные солнца перепугались и в панике хотели сбежать обратно к дереву фусан. Вспомнили они о драконьей колеснице их матери, но было уже слишком поздно. Даже высокие горы не были препятствием для божественного лука, и солнцам негде было спрятаться. И едва они попытались скрыться в долинах Янгу и Юйгу, как были настигнуты волшебными стрелами.

Землю сотрясли вопли, заглушив треск, последовавший за попаданием стрел. Восемь солнц превратились в восемь золотистых комков перьев, и восемь трехлапых воронов, оставляя за собой золотой шлейф, упали на землю.

Благодаря помощи Хоу И осуществились чаяния людей на то, чтобы в небесах снова засияло только одно солнце. Страшное пекло сменилось теплом, на смену смерти пришло веселье, и жизнь начала налаживаться.

Ди-цзюнь и Сихэ с небес видели все своими глазами и были потрясены гибелью сыновей. Кто бы мог подумать, что Хоу И воспримет поручение наказать детей как руководство к их убийству? Но волшебные стрелы полетели так внезапно и стремительно, что они задумались о спасении сыновей, лишь когда девятая из них уже пала. Последнее солнце, которое Хоу И пощадил, металось в ужасе, не зная, куда бежать. Сихэ бросилась к нему, подхватила, усадила в запряженную драконами колесницу и помчалась по небосклону в сторону долины Юйгу. С тех пор восход и закат всегда происходили вовремя, и солнце выполняло свою работу строго по распорядку.

Сбив девять солнц, честный и скромный Хоу И не стал купаться в похвалах людей и сразу же отправился в путь, дабы истребить чудовищ.

Сперва он двинулся на запад, чтобы убить Яюя. Туловище у того было бычье и полностью красное, но лицо человеческое, а ноги конские. Звуки, которые он издавал, напоминали крик младенца — должно быть, для того чтобы сбивать людей с толку: заслышав плач, они шли на голос и становились добычей Яюя. Однако на сей раз эта способность обернулась против чудовища: услышав в горах плач ребенка, Хоу И натянул лук и выстрелил на звук. Раздался пронзительный вой, плач оборвался, и застреленное чудовище рухнуло в траву.

Затем Хоу И решил расправиться с Цзочи и пошел на юг. Цзочи орудовал в болотистой местности под названием Чоухуа. Внешне он походил на человека, но из пасти у него торчал клык длиной в пять чи — зазубренный, точно бурав. Поймав человека, монстр с легкостью разрывал его на куски и сжирал. Кроме того, он обладал человеческим разумом, и потому людям было еще труднее избежать его нападения. Народ в страхе разбежался из окрестностей Чоухуа, и берега болота совсем опустели. Прибыв в Чоухуа, Хоу И принялся искать Цзочи, но хитрый Цзочи прознал о его приближении и, вооружившись копьем и щитом, рыскал в поисках врага. Посреди пустоши человек и монстр вдруг столкнулись лицом к лицу и немедленно вступили в схватку. Хоу И выпустил божественную стрелу в Цзочи, и та, словно метеор, пробила насквозь его щит и пронзила грудь. Не издав ни стога, Цзочи упал замертво.

Не останавливаясь, стрелок направился на север, к реке Сюншуй, где обитал Цзюин. Цзюин был водяным чудовищем, которое умело извергать из пасти огонь и воду. Когда он всплывал на поверхность, людей поблизости ждала неминуемая гибель. Местные жители, узнав, что Хоу И явился помочь им, подали герою идею, как одолеть монстра. Следуя совету, Хоу И пришел на берег реки, натянул лук и стал ожидать появления Цзюина. Цзюин выпрыгнул из воды, желая поохотиться, и заметил Хоу И. Зарывав, он попытался испепелить врага огненным дыханием, но Хоу И уже был наготове, и его стрела, миновав пламя, вонзилась монстру прямо в глотку. Цзюин с ревом плюхнулся в реку, вода мгновенно обогрилась кровью, и труп чудовища закачался на волнах. Люди, которые затаились на берегу и наблюдали за ходом боя, вскочили на ноги и закричали, радуясь избавлению от Цзюина и превознося стрелка за победу.

Стрелок Хоу И целится в солнце (эпоха Мин)

Оставив позади реку Сюншуй, Хоу И поспешил к большому озеру Цинцю, где жила громадная хищная птица Дафэн. Когда она, расправив крылья, мчалась над землей, то поднимала такой сильный ветер, что от него ломались деревья и разлетались камни. Даже если люди прятались в домах, ветер поднимал их в воздух, и обитатели оказывались сожраны чудовищем. За это птице и дали прозвище

Дафэн — «Сильный ветер». К тому времени, когда герой добрался до Цинцю, птица уже перебила почти всех людей в округе. Редко где попадались следы человека, и берега озера выглядели необитаемыми. Первым делом Хоу И привязал к оперению стрелы черную шелковую веревку, наложил стрелу на тетиву и стал ждать, пока появится Дафэн. Именно так стрелок обычно охотился на птиц, только в случае с Дафэн понадобилась веревка гораздо толще. Наконец огромная птица вылетела поживиться человечинной, и когда она, подобно урагану, пронеслась над головой Хоу И, тот спустил тетиву. Стрела вошла глубоко в грудь птицы. Дафэн забилась изо всех сил, пытаясь вернуться обратно к озеру, но веревка крепко удерживала ее. Птица, издав несколько воплей, рухнула на берег. Хоу И немедля вытащил меч и обезглавил чудовище.

Одолев Дафэн, Хоу И отправился к озеру Дунтин уничтожить страшного змея. Змей Башэ, терроризировавший озеро Дунтин, был огромен: он мог свободно проглотить слона и переваривать его в животе, через три года исторгнув оставшиеся кости. Размеры чудовища были таковы, что даже по безбрежному озеру Дунтин людям не удавалось проплыть так, чтобы уклониться от его прожорливой пасти. Змей переворачивал даже большие корабли, и местные рыбаки больше не решались продолжать свой промысел. Провожаемый молитвами множества рыбаков, Хоу И вышел на лодке в озеро Дунтин. Однако водоем был слишком велик, и герой не знал, где искать Башэ, поэтому ему оставалось лишь грести наугад, пока чудовище само не объявится. Вскоре озеро заклокотало, прямо по курсу лодки возникла огромная волна, и из нее высунулся исполинский змей. Учув запах человеческой плоти, Башэ нетерпеливо разинул пасть и ринулся на Хоу И. Но тот, стоя на носу лодки, уже загодя натянул волшебный лук, и стрела угодила громадине прямо в голову. Все тело змея сотряслось, он рухнул в озеро — но тут же, собрав оставшиеся силы, поднял чудовищные валы и вновь атаковал врага. Лодка опрокинулась, и Хоу И, обнажив меч, схватился со змеем насмерть. Получая все новые и новые раны, монстр постепенно ослабел и, изрубленный на несколько кусков, издох среди волн. Рыбаки на суше шумно возликовали, быстро попрыгали в лодки и поплыли к Хоу И, чтобы доставить героя на берег. Труп Башэ также выловили из воды, и народ, пируя змеиным мясом, праздновал

гибель страшилища. Из костей монстра насыпали высокий холм, и потомки прозвали это место Балин — «Холм удава».

Озерные жители, конечно же, хотели отблагодарить Хоу И, но тот, не отведав ни кусочка удавьего мяса, поторопился в лес Санлинь.

Падающие вóроны. Художник У Цзюй (эпоха Цин)

Теперь из шести монстров, терроризировавших человечество, оставался в живых лишь один — Фэнси, живший в лесу Санлинь. То был исполинский кабан-людоед. Перед его подобной холму тушей в сочетании с острыми когтями и клыками не могли устоять не только

стены домов, но и склоны каменных пещер. Одни боги знают, сколько людей сгнуло в его ненасытной утробе, и на целых сто ли окрест леса Санлинь было не видать дыма человеческих жилищ. Но для того чтобы справиться с Хоу И, Фэнси был слишком уж туп и неуклюж. Герой явился в лес, ведя за собой ранее сбежавших оттуда людей: во-первых, он был полностью уверен в своих силах, а во-вторых, у него созрел отличный план. Он решил, что приготовит из мяса поверженного кабана восхитительное блюдо и преподнесет его Ди-цзюню, дабы напомнить небесному владыке о преданности и рвении, с которыми исполнил его поручение. Битва в чаще была недолгой: Хоу И легко увернулся от помчавшегося на него зверя и, прежде чем тот успел развернуться, выпустил несколько стрел, пригвоздив все четыре лапы кабана к земле. Тот с ревом рухнул и забился, силясь вырваться, но был надежно скован.

Так, застрелив девять солнц и уничтожив шесть чудищ, Хоу И стал величайшим героем на земле.

Люди закатали грандиозный праздник. Посреди обширной равнины был воздвигнут высокий алтарь; на ветру реяли флаги, звучали бурные возгласы радости. Торжественная церемония достигла кульминации, когда Хоу И взошел на алтарь, держа в руках жертвенный сосуд с вываренным в котле жирным мясом Фэнси. Он встал на колени, поднял сосуд к небесам, и в воздухе разлился соблазнительный аромат.

— Владыка, я выполнил миссию, которую ты поручил мне. Прими же мое подношение!

Хоу И страстно надеялся, что с небес донесется хоть какой-нибудь звук одобрения, что с высоты спустятся духи и от имени Ди-цзюня примут его дар. Но ветерок дул, облака проплывали, а небеса по-прежнему оставались безответны. Долго и тщетно ждал герой и, наконец, вынужден был опустить чашу на алтарь. Отовсюду слышались одобрительные крики, но сердце Хоу И было холодно как лед. Он ожидал, что небеса и земля сольются в блестящем празднестве, но его чаяния растаяли без следа. Его словно бы охватило предчувствие беды.

Спустилась ночь, люди продолжали гулять и веселиться, а Хоу И все ждал и ждал зова на аудиенцию к небесному императору, но небо безмолвствовало. С рассветом он понял, что все кончено.

Ясное дело, небесный властитель Ди-цзюнь не мог не знать о празднестве, которое устроили люди, да и земные подвиги Хоу И давно уже были на устах у всех небожителей. Но скорбь от утраты девятерых сыновей не давала ему простить героя. В присутствии других богов властитель не мог дать волю своей ярости, не мог ненавидеть, не мог предпринять ничего, чтобы отомстить. Ему оставалось лишь молчать и предоставить Хоу И его собственной судьбе. Отсутствие награды и было наказанием Хоу И, и другие боги осознавали это, но, понимая страдания Ди-цзюня, тоже предпочитали молчать.

Когда шум и оживление поутихли, Хоу И вернулся домой.

— Ты должен быть счастлив, отчего же лицо твое мрачнее тучи? — спросила Чаньэ.

Хоу И горько улыбнулся:

— Небесный владыка не принял моего подношения.

— Но почему? Ты сделал все, что он приказывал.

— Я застрелил его сыновей, — в еще большем унынии ответил Хоу И.

— Но ведь император сам велел не щадить солнца.

— Однако он не велел предавать их смерти.

Эти слова поразили Чаньэ, словно гром.

— И из-за этого мы не сможем попасть на небеса? Теперь мы умрем, как все прочие люди?

— Да.

Чаньэ зарыдала. Ее мечты были разрушены глупостью мужа, красота ее теперь должна была увянуть под натиском времени, а одна лишь

Изображение Чаньэ

мысль о холоде и тишине загробного мира внушала ей ужас. Хоу И был напуган плачем Чаньэ: перед прелестной женой он всегда был кроток и податлив, словно кошка.

— Не плачь, у меня есть способ сделать нас бессмертными.

— Какой еще способ?

— Отправиться на гору Куньлунь и попросить у богини Сиванму снадобье вечной жизни.

Богиня Сиванму. Художник Цзян Инхао (эпоха Мин)

Гора Куньлунь находится на самом северо-западе земли и высится на десять тысяч жэней. Она окружена омутом, в котором тонет даже гусиное перышко, и кольцом вулканов, чье пламя никогда не гаснет. Люди не могут взобраться на нее — лишь боги, спускающиеся с небес. Но то был единственный способ успокоить Чаньэ и обмануть саму смерть. У Хоу И не было другого выхода: он встал и отправился в дорогу. В конце концов, наполовину-то он был богом.

В великом и удивительном древнем трактате «Книга гор и морей» сказано: никто из смертных не сумел подняться на гору Куньлунь, кроме великого героя Хоу И. Он перебрался через огнедышащие горы, пересек бездонный омут и взошел на вершину.

Сиванму приняла Хоу И у себя. Будучи старшей богиней, она издавна жила на горе Куньлунь. Богиня знала об истории с девятью солнцами и о гневе Ди-цзюня и считала, что с героем обошлись несправедливо, поэтому охотно откликнулась на его просьбу. На горе имелось озеро Тяньчи с водой вечной молодости и росло дерево с плодами бессмертия. Смешав их, можно было изготовить эликсир вечной жизни. Но поскольку выращивать плоды приходилось необычайно долго и трудно, у Сиванму оставалось лишь две пилюли чудодейственного средства.

— Возьми обе, — Сиванму щедрою рукою протянула герою пилюли и дала наказ: — Береги их и помни: человек, съевший одну пилюлю, обретет вечную жизнь. Человек, проглотивший обе, станет божеством. Если потеряешь их — новых у меня нет.

Герой рассыпался в благодарностях, про себя между тем подумав: «Разумеется, каждому по одной пилюле — разве можем мы с женою быть порознь?» До чего же простодушен был доблестный Хоу И, до чего ослеплен любовью...

Преодолев тысячи опасностей и преград, Хоу И вернулся домой и вручил Чаньэ волшебное средство. Он хотел улучшить благоприятный день, чтобы вместе с женой принять снадобье, а заодно и отпраздновать это событие, поэтому убежал в горы охотиться. Тяжкий труд он считал за радость, если только жена была счастлива.

К сожалению, любовь Хоу И, направленная к сердцу Чаньэ, не вызвала у нее ответного прилива чувств, а пилюли в руках заставили ее мысли лихорадочно метаться.

Для избалованной красавицы возможность оказаться на небесах одним движением руки была слишком большим искушением, а от доброго до дурного всегда только шаг. И в ночной тиши, при лунном свете Чаньэ разом проглотила обе пилюли.

Тотчас женщина ощутила, что тело ее стало легким, как воздух. Вылетев из дома, она плавно заскользила к небу. Чаньэ осознала, что вправду превратилась в богиню, и засмеялась от радости. Не зная дороги в обитель божеств, она держала путь к луне и, добравшись до нее, стала

лунной богиней. В этот момент Чаньэ вдруг почувствовала неизъяснимую пустоту: в лунных чертогах, где она оказалась одна, царили тишина и тоска. Разве не веселее было бы на земле, среди людей, жить в вечной молодости бок о бок с Хоу И, заботясь друг о друге? Чаньэ охватило глубокое сожаление.

Чаньэ прибывает в Лунный дворец и становится богиней луны (эпоха Мин)

Мчась со всех ног, ни свет ни заря вернулся Хоу И домой с дичью на плечах. Чаньэ бесследно исчезла, а вместе с ней — и снадобье бессмертия. Герой все понял. Печаль, скорбь, обида, тоска, подавленность, боль, разочарование — все мрачные чувства разом нахлынули на него

и пролились слезами. И долго еще всматривался он в небо, будто бы во веки не в силах смириться с утратой.

Это героическая и вместе с тем скорбная легенда: борясь за счастье человечества, бесстрашный герой претерпевает несомненную обиду; радея о семейном благополучии, сталкивается с предательством, последствия которого непоправимы. На самом деле это история о добре и зле. В противостоянии со злом в лице девяти солнц и шести чудищ добро одерживает верх — но что же насчет добра и зла в душе? Битва между ними хоть и не сопровождается сверканием мечей, но оказывается куда ожесточеннее, ибо добро терпит поражение. Судить об этой душевной борьбе и дать ей оценку может лишь читатель. Грань между добром и злом поистине тонка, словно древесный листок.

Хоу И — настоящий герой, но конец его трагичен. Однако кто из стоящих за правду и справедливость в реальном мире не испытывал горечи неудач?

Большинство китайских историй о героях трагичны. Вас это удивляет? Читатели, не слишком глубоко знакомые с китайской культурой, могли полагать, будто китайцы любят сюжеты со счастливой развязкой. Это не так. И теперь, когда вы прочли древние мифы и сказания, перед вами открылись истоки китайской литературы: на трагедии зиждется духовное здание предков китайского народа.

ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ КИТАЯ

Эпоха 朝代		Период 时期
Ся 夏		XXIII–XVI вв. до н.э.
Шан 商		XVI–XII/XI вв. до н.э.
Чжоу 周	Западная Чжоу 西周	
	Восточная Чжоу 东周	Чуньцю (Вёсны и осени) 春秋时代
		Чжаньго (Сражающиеся царства) 战国时代
Цинь 秦		221–207 гг. до н.э.
Хань 汉	Западная Хань 西汉	
	Восточная Хань 东汉	
Саньго (Троецарствие) 三国	Вэй 魏	
	Шу 蜀	
	У 吴	
Цзинь 晋	Западная Цзинь 西晋	
	Восточная Цзинь 东晋	
Шесть династий 六朝		229–589
Южные и Северные династии 南北朝	Южные династии 南朝	Сун 宋
		Ци 齐
		Лян 梁
		Чэнь 陈
	Северные династии 北朝	Северная Вэй 北魏
		Восточная Вэй 东魏
		Западная Вэй 西魏
		Северная Ци 北齐
		Северная Чжоу 北朝

Эпоха 朝代		Период 时期
Суй 隋		581–618
Тан 唐		618–907
Пять династий 五代	Поздняя Лян 后梁	907–923
	Поздняя Тан 后唐	923–936
	Поздняя Цзинь 后晋	936–946
	Поздняя Хань 后汉	947–950
	Поздняя Чжоу 后周	951–960
Десять царств 十国		907–979
Сун 宋	Северная Сун 北宋	960–1127
	Южная Сун 南宋	1127–1279
Ляо 辽		916–1125
Си Ся 西夏		1032–1227
Цзинь 金		1115–1234
Юань 元		1271–1368
Мин 明		1368–1644
Цин 清		1644–1911
Китайская Республика 中华民国		1911–1949
Китайская Народная Республика 中华人民共和国		с 1949

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ИСТОРИИ О СОТВОРЕНИИ МИРА.....	5
Паньгу создает небо и землю	6
Нюйва создает человека.....	10
Фуси и Нюйва.....	17
Первая беда человечества	27
Эпоха людского благоденствия	32
Гунгун ударяется о гору Бучжоу	41
ИСТОРИИ О БОЖЕСТВАХ.....	49
Священные горы и царство богов.....	50
Рождение Шэньнуна и Хуан-ди.....	57
Сказание о Шао-хао и Чжуань-сюе	67
Сражение при Баньцюане.....	77
Храбрец Синтянь	86
Цзинвэй засыпает море.....	96
ИСТОРИИ О ГЕРОЯХ.....	101
Куа-фу гонится за солнцем.....	102
Гунь похищает землю	107
Великий Юй укрощает воду	115
Стрелок Хоу И сбивает девять солнц и одолевает шесть чудовищ	125
Хронология истории Китая	140

Научно-популярное издание

Ма Чжэнь

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ КИТАЯ